

Сергей Петрович Мельгунов
Александр I. Сфинкс на троне
Серия «Тайны Российской империи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653674
Мельгунов, С.П. Александр I. Сфинкс на троне: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-5066-2, 978-5-4444-8314-5

Аннотация

Согласно официальной версии, император Александр I умер во время путешествия по России от стремительно развивавшейся болезни. Однако если попытаться внимательно рассмотреть события в жизни императора и его взаимоотношения со своими приближенными, то картина складывается совершенно иная. В своей работе известный историк С.П. Мельгунов пытается ближе подойти к разгадке царской трагедии путем детального описания лиц Александровской эпохи – тех, с которыми он замышлял либеральные реформы, и тех, кто оказался его соратниками в период переоценки его взглядов. Автор приходит к сенсационным выводам...

Содержание

«Дней Александровых прекрасное начало»	5
От автора	9
Император Александр I. Сфинкс на престоле	10
I	11
II	39
Мелочи об Александре	51
1. Александр I и женщины [43]	51
I	51
II	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Петрович Мельгунов

Александр I. Сфинкс на троне

© Гончаренко О.Г., предисловие, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

«Дней Александровых прекрасное начало»

(О книге профессора С. Мельгунова «Дела и люди Александровского времени»)

Из обширной библиографии о государе Александре I Павловиче, составившейся за почти два столетия со дня его кончины, книга профессора Мельгунова представляет в наши дни особенную ценность. Её автор столь долго и кропотливо собирал данные о своем герое, так вдумчиво анализировал события предыдущего и весьма краткого царствования его отца, императора Павла I, столь тщательно разбирал творчество современников, пытавшихся воссоздать художественный образ этого государя¹, что, по существу, оказался самым качественным, после Н.К. Шильдера², исследователем Александровского времени.

Волна читательского интереса к личности Александра I пришла на время Серебряного века русского искусства, почтившего своим благосклонным вниманием образы эпохи Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла, вдохновивших творческих людей начала XX века на создание сюжетов в изобразительном искусстве и сочинительство³.

Эстетика той куртуазной повседневности привлекала многих художников, вынужденных довольствоваться современной условностью форм «века Модерна», и писателей, искавших случая выразить затаенную тревогу перед наступившим «ужасным веком», прячась в воображаемый уют елизаветинской архаики.

Именно в ту пору появилось сенсационное исследование, относящееся более к опытам построения альтернативных исторических линий, чем к подлинной истории императора, рисующее со всей убедительностью появление после его кончины в Сибири некоего светского человека, путешествующего в крестьянском платье и именующего себя «старцем Федором Кузьмичом». События таинственной и полной загадок смерти государя давали подобной трактовке сюжета немало поводов. Исполненное подлинного величия царствование Александра, хотя и имело значительное количество прижизненных и посмертных критиков, в памяти русского человека осталось примером торжества национального духа и избавления от иноземного вторжения. Загадочная таганрогская кончина жизненного пути Александра I стала в народной памяти, столь досадным и нелогичным завершением великого правления, что сознание многих современных ему людей и ближайших потомков отказывалось принимать этот весьма печальный факт на веру. Именно потому легенды о старце Федоре Кузьмиче, жившие до определенного времени в виде устных преданий, в начале XX века были облечены в форму наукообразных бытописаний этого необычного человека, в котором общество стремилось угадать сбежавшего от убийц государя.

Здесь читатель вполне уместно удивится такой постановке вопроса, ведь согласно официальной версии, Александр I умер во время путешествия по России от болезни, полученной и стремительно развившейся у него в Приазовском крае. Однако если внимательно попытаться оценить события в жизни императора и его взаимоотношения со своими приближенными – чинами двора и государственными деятелями, то картина складывается иная. Именно этим превосходным образом и занимался в своих работах профессор Мельгунов,

¹ С. Мельгунов. Мережковский и его роман Александр I. 1923 г. // Дела и люди Александровского времени. Берлин: изд. «Ватага», 1923.

² Шильдер Н.К. Александр Первый. В 4 т. СПб.: изд. А.Ф. Маркса, 1897.

³ Рисунки и альбомы А. Бенуа, Е. Лансере, В. Добужинского, К. Сомова, тематические статьи А. Трубникова, М. Чулкова, и стихотворения А. Ахматовой в журнале «Аполлон» за 1909–1917 гг. и проч.

пытаясь подойти ближе к разгадке царской трагедии путем детального описания лиц Александровской эпохи, чтобы подвести читателя к порой сенсационным для себя выводам.

Вся жизнь государя, которую Мельгунов делит на три тематических раздела – период царствования его отца императора Павла Петровича, время больших планов преобразований начала XIX века – охарактеризованное Пушкиным, как «прекрасное начало» правления Александра, и военную пору – годы великих побед в Отечественной войне 1812 года и европейских походов 1812–1814 годов, довольно полно раскрывающих картины эволюции общественных взглядов цесаревича и впоследствии молодого императора.

Вступив в зрелые лета, Александр поэтапно пересмотрел своё отношение ко многим, ранее казавшимся ему бесспорным истинам, познав их губительные для православного отечества истоки. Это самым роковым образом обрекло его в последующие годы на роль преследуемой жертвы, охота на которую велась русским масонством – большая часть их в разное время составила ближайшее окружение государя. Среди могущественных врагов императора оказались чины двора, гвардии и армии.

Трудно сказать, в какое именно время произошла смена нравственных ориентиров и освобождение от пут условностей, удерживавших императора от исполнения долга православного государя, но еще в 1812 году он неожиданно продемонстрировал неожиданный для многих масонов шаг – выслал из столицы государственного секретаря М.М. Сперанского. Значимость шага можно оценить при условии понимания сущности данной персоны, бывшего долгое время приближенным к императору, и вместе с тем человеком, всегда тесно связанным с французскими масонскими кругами. Сперанский был заменен «без лести преданным» А.А. Аракчеевым, человеком с точки зрения современности сомнительных личных качеств, однако далекого от масонства, патриота своего Отечества, радеющего за интересы России. Русский масон, впоследствии «декабрист» Н.И. Тургенев, взявшийся в своей личной переписке оценивать деятельность императора, с горестным недоумением констатировал, что то был «один из тех актов деспотизма, которые до тех пор не наблюдались в царствование Александра».

1 августа 1822 года Александр I своим указом запретил в стране масонство, что вынудило все российские ложи к подпольному существованию, создав тем самым вероятность постоянной угрозы преследования со стороны властей. Так стало в России, а почти годом ранее масонские ложи были уже запрещены и в Царстве Польском, и в прибалтийских губерниях. В Польше были даже совершены аресты нескольких «вольных каменщиков» за некую «конспиративную деятельность».

В период 1823–1825 годов Александр содействовал закрытию Министерства просвещения, как института распространения масонской идеологии, отставку покровителя русских масонов А.Н. Голицына и депортацию за рубеж автора нашумевшей в Петербурге книги – директора Библейского общества Госнера. Последовавший именной указ государя об удалении из Петербурга в Симбирск известного масона ложи розенкрейцеров А.Ф. Лабзина, повсеместное закрытие ланкастерских школ, запрет на издание журналов «Друг юношества» и «Сионский вестник», издаваемый и финансируемый столичными масонами, создали невероятные затруднения на пути деятельности российских лож.

Не реализованные благие порывы юности цесаревича, мечтавшего о либеральном сообществе в России и трансформации русского уклада в рамки западной общественной жизни, обернулись разочарованием и озлобленностью «просвещенной» части русского общества. Н.И. Тургенев продолжал в переписке порицать императора: «А тот, которым восхищалась Европа и который был для России некогда надеждою, как он переменялся! Одним словом, теперь ничего нельзя предвидеть хорошего для России».

Братья по ложам в Европе были обеспокоены ходом событий в Царстве Польском и остзейских землях. Некогда искренний покровитель «вольных каменщиков» раз и навсегда

переменился в своих убеждениях в «худшую сторону», лишив их возможности чувствовать себя в безопасности на всем пространстве необъятной Российской империи. А ведь им был еще памятен тот период, когда по обещаниям Александра братьям по ложе, данным на заре его правления, его целью должна была стать идея дарования России конституции по восшествии на престол, чтобы облагодетельствовать ею народ и открыть для него повсеместные возможности «просвещения умов». Затем, подписав манифест об отречении, любоваться расцветом русской жизни при конституционной монархии, поселившись с женою частным образом в каком-нибудь из городков на благословенном Рейне.

И хотя этого не случилось, до времени, масонское сообщество не особенно тревожил «отход» молодого императора от первоначально намеченного графика исполнения совместных замыслов. Ведь и сами связи Александра с масонами оставались не просто крепки, но и практически казались неразрывными, ибо будущий августейший реформатор, на которого делало ставку европейское масонство, был введен в его ряды в 1803 году самим гротескным великой ложи «Владимира к порядку» И. Бёбером, что демонстрировало известную долю доверия и пиетета.

Пребывание Александра в ложах затянулось, и даже после окончания победоносного похода русских войск в Европу император еще продолжал состоять в ложе «К военной верности», в которой были многие офицеры лейб-гвардии Конного полка, возникшей в 1812 году и посвященной конногвардейцами самому императору. Вместе с братом, цесаревичем Константином Павловичем, Александр состоял и в «Великом Востоке Польши», а в течение 1815–1817 годов, в пору особенной увлеченности мистицизмом, неоднократно посещал ложу «Трех Добродетелей».

Переоценка роли масонства в жизни России, да и собственных взглядов на задачи православного государя, заставила Александра по-новому взглянуть на результаты деятельности лож, впервые заставив задуматься над собственным державным долгом – хранить самодержавие как гарантию целостности и величия страны.

Ставший исторической аксиомой факт, что сильная Россия никогда не нужна была Европе и всегда страшила её, объясняет выводы, к которым пришли европейские «братья», оценив поступки Александра в 1819–1823 годы, как случай «коварного отступничества» собрата по ложам, над умом которого возобладала идея «великой России» вопреки «внутрипартийной дисциплине» лож. Игнорировать ее едва бы решился иной государь, хорошо осведомленный о последствиях такового «проступка».

В этом смысле книга Сергея Мельгунова дает любопытные характеристики современников императора, с которыми он только замыслил либеральные преобразования в России, но также и тех, кто оказался его новыми соратниками в период переоценки взглядов. Ведь без хотя бы воодушевления и прямого одобрения многих из них Александр едва бы решился на столь решительные меры по отношению к противникам. Вспомним хотя бы события, в ходе которых недовольным отходом царя от либеральных ценностей офицерам лейб-гвардии Семеновского полка Александром было недвусмысленно указано, кто правит в государстве. Увольнение генерала М.А. Фонвизина и полковника А.Ф. Бриггена, а также офицеров М. Муравьева и И.А. Фонвизина от службы, ссылка в Ярославль полковника П.Х. Граббе, снятие с должности при петербургском генерал-губернаторе Ф.И. Глинки, отстранение от командования дивизией генерала М.Ф. Орлова явились звеньями одной цепи. К слову сказать, почти все вышеупомянутые чины оказались в 1825 году в числе новых заговорщиков, именуемых в истории «декабристами», и получили по заслугам от взойшедшего на престол императора Николая I.

Личности Александровской эпохи помогают понять и объяснить не только атмосферу борьбы и антимонархических заговоров того времени, но в изложении профессора Мельгунова масштабно рисуют исторический фон времени, открывая читателю смысл и значение

происходивших событий. И хотя автор не успел реализовать задачу проследить дальнейшее после 1812 года развитие событий в жизни самого государя и страны в целом, начало, положенное в первой книге, позволяет оценить широту авторского замысла – характеристика лиц и их деяний в «переходные» годы царствования, ясно обуславливающая дальнейшее развитие хода истории.

О.Г. Гончаренко, к.п.н.

17 августа 2009 года

От автора

Настоящий сборник составился из статей, напечатанных в старой еще России в разных изданиях за истекшие 10–15 лет.

Многие из статей появляются здесь в значительно переработанном и дополненном виде с привлечением некоторых еще неизданных материалов. К сожалению, одна из статей пропала у автора и восстановить ее в Берлине не представлялось возможности, почему очерк о вождах русской армии в период Отечественной войны, долженствовавший заключать параллельную характеристику Барклая де Толли и Кутузова, охватывает лишь образ Барклая и рисует его взаимные отношения с главным его антагонистом кн. Багратионом. Автор тем не менее ввел в сборник эту как бы незаконченную главу ввиду того, что она набрасывает общие черты состояния русской армии и психологии некоторых слоев общества описываемой эпохи.

Разрозненные статьи, написанные по случайным поводам, в совокупности дают некоторую общую канву для характеристики эпохи Александра I, столь близкой нам по своим настроениям в некоторых общественных кругах. Мистика и реакция александровского времени являлась непосредственным результатом мировых событий, пережитых русским обществом первой четверти прошлого столетия. Не в той же ли атмосфере нарождающихся общественных настроений живем мы под влиянием событий, ареной которых была наша родина за истекшее десятилетие? Нет нужды проводить аналогию, но история не так уже разнообразна в выборе своих мотивов, и подчас причины и следствия бывают однородны в эпохи, далекие друг от друга.

Император Александр I. Сфинкс на престоле

(Черты для характеристики Александра I)

I

История давно уже сделала из императора Александра I своего рода историческую загадку: «Сфинкс, не разгаданный до гроба, о нем и ныне спорят вновь», – сказал еще кн. П.А. Вяземский об Александре. И в самом деле, как объяснить «противоречия», которыми так богата вся деятельность Александра? Как объяснить удивительное совмещение «благородных» принципов ранних лет с позднейшей жестокой аракчеевской практикой? Дано немало уже объяснений этой непонятной и сложной психики соперника Наполеона, вызывавшего самые противоречивые характеристики со стороны современников.

Прежняя даже критическая историография⁴ как бы реабилитировала перед потомством личность Александра. «Мы примиряемся с его личностью потому, – писал Пыпин в своих очерках «Общественное движение», – что в источнике его недостатков находим не дурные наклонности, а недостаток воспитания воли и недостаток понимания отношений, что в глубине побуждений его лежали часто наилучшие стремления, которым недоставало только школы и благоприятных условий». Александр был «одним из наиболее характеристических представителей» своего времени: «он сам лично делил различные настроения этого времени, и то брожение общественных идей, которое начинало тогда проникать в русскую жизнь, как будто отражалось в нем самом таким же нерешительным брожением. Так, сперва он мечтал о самых широких преобразованиях, о каких только думали самые смелые умы тогдашнего русского общества: он был либералом, приверженцем конституционных учреждений... в другое время, смущаясь перед действительными трудностями и воображаемыми опасностями, он становился консерватором, реакционером, пиэтистом». Теми «трудными положениями», которые ставила Александру сама жизнь, Пыпин в значительной степени готов был объяснять двойственность и неуверенность в характере Александра. Он был всегда искренен, когда в одно и то же время колебался между двумя совершенно различными настроениями. Та «периодичность воззрений», которую отмечает Меттерних, не являлась выражением какого-то сознательного лицемерия. Его внутренние тревоги даже в период реакционной политики показывают в нем не бессердечного лицемера или тирана, каким его нередко изображали, а человека заблуждавшегося, но способного вызвать к себе сочувствие, потому что во всяком случае это был человек с нравственными идеалами.

Еще более теплую характеристику Александра дал Ключевский в своем знаменитом литографированном курсе: «Александр был прекрасный цветок, но тепличный, не успевший акклиматизироваться на русской почве: он рос и цвел роскошно, пока стояла хорошая погода, наполняя окружающую среду благоуханием, а как подула северная буря, как настало наше русское осеннее ненастье, этот цветок завял и опустился». Александр был воспитан в политических идиллиях, у него не было необходимого «чутья действительности», и те «слишком широкие мечты», с которыми он вступил в правительственную деятельность, разбились о встреченные препятствия, о незнание практической жизни. Неудачи вызывали утомление и раздражение.

Таков был «коронованный Гамлет», как назвал Александра Герцен. В духе этой прежней историографии характеризует Александра и автор новейшей его биографии проф. Фирсов. Александра нельзя изображать как «двуличного деятеля, как хладнокровного хитреца». Это была сложная, хрупкая психическая организация. Александр явился «моральной жерт-

⁴ Мы не говорим, конечно, о той ранней истории царствования Александра, которая, по одному меткому выражению, представляла собой «только восторженные восклицания». Типичным образцом такой оценки может служить, например, апофеоз наивного Федора Глинки в «письмах русского офицера»: «Когда поколебаются царства и потрясутся престолы, тогда Государь, над главою которого зашумят бури, взглянет с доверенностью в бытия прошедших времен, увидит лучезарное имя Александра I, возьмет с него пример твердой непоколебимости».

вой русской истории XVIII века, точнее – истории русского престола». Это – жертва среды; это – монарх, «морально не вынесший самодержавной власти, унаследованной им при помощи дворцовой революции с смертельным исходом для царствующего государя». Физическая гибель Павла повлекла за собой моральную гибель Александра. «Вечное терзание совести» надломило хрупкую психическую организацию. Поэтому судьба Александра полна самого «трогательного драматизма». «Я должен страдать, ибо ничто не в силах утравивать мои душевные муки», – говорил Александр Чарторижскому. И Александр страдал но, изверившись, все-таки не перестал видеть в «благородных принципах» идейную красоту, и они продолжали сохранять в его глазах известное эстетическое значение. Он «сохранил их в глубине своей души, лелея и оберегая от постороннего влияния, как тайную страсть, которую он не решался раскрыть перед обществом, не способным понимать его»...

Однако как проникнуть взором историка в то, что оберегается, как тайная страсть, в сферу «мистических созерцаний и покаянных молитв»? Слишком уж субъективен будет при таких условиях психологический анализ исторических деятелей. Быть может, современная скептическая историография в своем «иконоборстве», как выразился кн. Вяземский, понижает «величавость истории и стирает с нее блеск поэтической действительности», но зато она оперирует только над реальными фактами. И число таких фактов, входящих в оборот исторических изысканий, с каждым годом увеличивается. Когда Пыпин писал свой очерк, он должен был сделать оговорку, что «подробности истории Александра еще слишком мало известны» для того, чтобы определенно объяснить резкие «противоречия», с которыми мы постоянно встречаемся и в характере Александра, и в его деятельности, и в отзывах о нем современников. История Александра еще далека, конечно, и теперь от полноты. Но многое из того, что прежде было неясным, достаточно вырисовывается уже на фоне новых изысканий. И, быть может, прежде всего та искренность Александра, в которую веровала прежняя историография, значительно потускнела под скальпелем современного исторического анализа; и все рельефнее под ним выступает та оборотная сторона медали, которая омрачала на первых же порах «дней александровых прекрасное начало». Многие из отрицательных черт Александра, отмеченные современниками, найдут себе конкретное подтверждение в действительности, очень далекой от осуществления «благородных принципов» и идеальных мечтаний в юной молодости.

Современный историк ныне уже без труда ответит на то недоумение, которое выражал декабрист Штейнгель в записке Николаю I: блеск царствования Александра сделал «особу его любезною и священною для Россиян современников». Но по непостижимому для нас противоречию, которое, к изумлению грядущих веков, может быть, объяснит одна только беспристрастная история, «царствование его»... «было тягостно даже до последнего изнеможения»⁵.

⁵ Настоящая статья была напечатана в 1912 г. в юбилейном издании «Отечественная война и русское общество», вышедшем под редакцией А.К. Дживелегова, В.И. Пичета и моей. Приходится оговориться, что мое упрощенное понимание «загадочного сфинкса» начала XIX в. вызвало возражение в печати. Напр., в рецензии А.А. Кизеветтера в «Русской Мысли», согласного в общем, однако, с точкой зрения автора; в рецензии Б.И. Сыромятникова в «Вестнике Воспитания», по-видимому, склоняющегося к старому пониманию и мало считающегося с новыми данными. Наконец, совершенно отрицательно отнесся к моей характеристике рецензент «Современника» г. Бороздин (с чем, впрочем, не согласилась сама редакция). Не знаю компетентность г. Бороздина в данном вопросе, но не могу не отметить одного курьеза: рецензент торжественно говорит, что мои взгляды являются шагом назад после работы великого князя Николая Михайловича. Может быть, но только почтенный рецензент забыл сделать существенную оговорку, что моя статья появилась в свет за год слишком до указанной работы. Насколько субъективна оценка личности, показывает то, что если один рецензент готов признать мою статью публицистическим упражнением на историческую тему, почти памфлетом, за отрицательное отношение к личности Александра, то другие (Н. А. Рожков в «Современном Мире») упрекали меня за шаблонную идеализацию. Очевидно, истина лежит посередине. Сам по себе факт столь противоположной оценки свидетельствует, что статья моя не является тенденциозным памфлетом и в ней дана в общем правильная, неизбежно, конечно, субъективная, характеристика Александра. Статья в этом сборнике появляется, в сущности, без изменений. Считал лишь необходимым дополнить изложение новыми фактами, подтверждающими высказанную точку зрения. После написания статьи появилась большая работа в.

Мы не будем останавливаться на подробностях воспитания Александра, в достаточной степени выясненного в литературе. Это «заботливое» воспитание, согласно всем правилам тогдашней философской педагогики, действительно чрезвычайно мало содействовало выработке сознательного и вдумчивого отношения к гражданским обязанностям правителя: Александра, по меткому выражению Ключевского, как «сухую губку, пропитывало дистиллированной и общечеловеческой моралью», т. е. ходячими принципами, не имеющими решительно никакого отношения к реальным потребностям жизни.

В лице своей бабки он видел, как модные либеральные идеи прекрасно уживаются с реакционной практикой, как, не отставая от века, можно твердо держаться за старые традиции. «В душе я республиканка, – говорила царица, – но для блага русского народа абсолютная власть необходима». Как кто-то метко заметил, Екатерина любила философов подобно итальянским артистам. От своего воспитателя, республиканца Лагарпа, Александр в сущности воспринимал то же умение сочетать несовместимое – либерализм со старым общественным укладом. Лагарпа по справедливости можно назвать «ходячей и очень говорливой французской книжкой», проповедовавшей отвлеченные принципы и в то же время старательно избегавшей касаться реальных язв, разъедавших государственный и общественный организм России. Республиканский наставник в практических вопросах был в сущности консерватором, отговаривавшим позже Александра от коренных реформаторских поползновений. Его идеалом было «разумное самодержавие», по выражению Шильдера. Как республиканство Лагарпа уживалось и мирилось с деспотическим правлением, так и теоретическое вольнодумство Александра, вынесенное из юных лет, было очень далеко от искреннего либерализма. В этом отношении Александр был типичным сыном своего века, когда отвлеченное вольтерьянство самым причудливым образом соединялось с ухищренными крепостническими тенденциями. Это характерная черта эпохи.

В «Азбуке изречений», составленной Екатериной, Александр вычитывал прописную мораль: «по рождению все люди равны»; в ходячих сентенциях Лагарпа ему открывались и другие непререкаемые догматы французских просветителей, и никто не проявлял в задушевных разговорах такой «ненависти» к деспотизму и «любовь» к свободе, как Александр в юношеские годы. Он давал клятвенное обещание «утвердить благо России на основании непоколебимых законов», вывести несчастное отечество со стези страданий путем установления «свободной конституции». Он считает «наследственную монархию установлением несправедливым и нелепым, ибо неограниченная власть все творит шиворот-навыворот». «Я никогда не привыкну царствовать деспотом». Единственное «мое желание, – говорит он Лагарпу в 1797 г., – предохранить Россию от поползновения деспотизма и тирании». Лагарп

кн. Николая Михайловича, изобилующая, особенно в приложениях, ценным документальным материалом (важная публикация в 1913 г. была сделана еще Ник. Мих. изданием донесений за 1816–1826 гг. Меттерниху, австрийского посланника при русском дворе, гр. Лебцельтерна, женатого на графине Лаваль, сестре жены декабриста Трубецкого. Ценный материал для характеристики Александра находится в книге Ал. Фурньера «Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress», вышедшей также в 1913 г.). Мое отношение к исследованию Ник. Мих. ясно из помещаемого ниже разбора его книги. Включая и эту последнюю статью в свой сборник, я не считал уже нужным отмечать разность взглядов при характеристике Александра. Одновременно с работой Ник. Мих. появилась и значительная статья А.А. Кизеветтера «Александр I и Аракчеев», вошедшая в его сборник «Исторические отклики». Обе эти работы не изменили точки зрения автора на личность Александра. Скорее в них нашлось подтверждение многих предположений, которые мне осторожно приходилось делать, ввиду отсутствия еще достаточного материала. Там, где мне подчас приходилось ставить в тексте «может быть», теперь с полным основанием можно поставить – «наверное». Так, не совсем соглашаясь с Вандалем при его характеристике Тильзитского свидания, приходилось указывать, что здесь Александр проявил свое обычное «в высшей степени рассчитанное притворство» и что он вел определенную, заранее намеченную, политику. Материалы, заключающиеся в работе Ник. Мих., с совершенной очевидностью подтвердили эту точку зрения. И другие предположения нашли ныне себе более тщательное фактическое обоснование во вновь опубликованных документах. Характеризуя роль и значение Аракчеева в царствовании Александра, мне приходилось отмечать в своей статье несоответствие шаблонного представления об этой роли с действительностью: я указывал, что Аракчеев был, в сущности, «лишь верным исполнителем велений своего шефа». Подобный взгляд подробно развит и блестяще доказан в упомянутом этюде А.А. Кизеветтера.

«в течение целого года» не слышал от Александра слов «подданные и царство», он говорит о русских, называя их «соотечественники» или «сограждане» и т. д. Пост, место, должность – только такими словами характеризует Александр свое правительственное назначение. За год перед тем при первом свидании с Чарторижским он глубоко оплакивает падение Польши и порицает действия Екатерины. Костюшко для него великий человек. Так как в России никто не способен понять его, он конфиденциально сообщает Чарторижскому свои мысли в духе бесед с Лагарпом. Нация должна выбирать достойнейшего на пост правителя, и польскому патриоту с ссылкой на судьбы своей родины приходится возражать своему царственному другу. Чарторижский под влиянием этих бесед пишет записку о Польше, которую А. кладет в картон для того, чтобы о ней уже никогда больше не вспомнить.

Характеризуя «неимоверный беспорядок» в делах в интимном письме к Кочубею (10 мая 1796 г.), Александр говорит об отречении: «при таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством. Я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы. Вы вольны смеяться надо мною. Но подождите исполнения и уже тогда произнесите приговор...»

Исполнения пришлось бы Кочубею долго ждать. Уже в следующем году Александр соглашается, что он не должен отказываться от престола, но потому только, что «вместо добровольного изгнания» он сделает несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу.

Таков Александр-юноша в своих интимных беседах и мечтах...

Но не забудем, что в это время, в период и для дворянства кошмарного царствования Павла, ничто не могло снискать Александру большей популярности, как подобные признания.

Однако у некоторых современников, восторженно отзывавшихся о молодом Александре, возникают уже сомнения: не будет ли он при всех своих дарованиях пустоцветом. К ним относится Массой. «Несмотря на счастливые задатки, – замечает этот мемуарист, – ему угрожает царствование без славы». Почему? К сожалению, он человек «пассивных качеств» – чересчур «ранний брак смял его энергию». «Может быть, – добавляет Массой, – Бог предназначил его освободить тридцать миллионов рабов и сделать их достойными этой свободы». Только он «не забыл бы всех своих обещаний и лучших молодых порывов»...

Если чрез Лагарпа Александр приобщался к «лакомствам европейской мысли», то чрез другого его воспитателя, М.Н. Муравьева, в него усиленно внедрялось сентиментально-романтическое чувство, столь же характерное для эпохи. Напрасно в этом сентиментализме искать искренних эмоций. Их не могло быть, так как характерная черта сентиментализма именно «беспредметная чувствительность». Самые ничтожные причины вызывают аффект, завершающийся слезоизливанием. Люди способны сидеть часами в глубокой меланхолической задумчивости, плакать, как Карамзин, когда сердцу «очень весело». Иногда совершенно непонятно, откуда только у современников могла являться эта слезотечивость. Происходит шумный праздник в Смольном институте в 1821 г. Гремит музыка, кругом иллюминация, на сцене веселый балет – и «все плачут», как сообщает Карамзин своему другу Дмитриеву.

«Тогда находили удовольствие в том, чтобы плакать, и когда плакали, то были веселы» – так характеризует позднее (1829 г.) «Московский Телеграф» раннюю alexandrovsкую эпоху. Этот ухищренный сентиментализм, в свою очередь, прекрасно уживался с барственным укладом жизни. Любопытно, что сентименталисты были по преимуществу и крепостниками.

Вероятно потому, что русский мужик в действительности не годился в качестве объекта идиллических мечтаний: «продолжительное рабство, – как утверждал впоследствии В. Панаев, – сделало их (нынешних пастухов и земледельцев) грубыми и лукавыми».

Доктор Руа, врач наполеоновской армии, оказавшийся в плену после 1812 г. и проживший в России два года, рисует портрет волжской помещицы г-жи М., удивительным образом сочетавшей жесточайшее сечение крепостных за разбитие фарфоровой чашки с самой изысканной чувствительностью: «Это был человек столь нежной чувствительности, что готова была падать в обморок при малейшей испытываемой эмоции». Лай собаки, падение ребенка вызывали в ней настоящее нервное потрясение. Она без конца говорила всем и каждому о своей чувствительности, повторяя часто изречение, заимствованное ею из одной своей излюбленной книги: «Какой печальный подарок неба – чувствительное сердце». Но крики избиваемых крепостных не трогали ее чувствительного сердца – только изредка мешали «чтению романов», почему экзекуции иногда производились в дальних конюшнях.

И даже Аракчеев, отличавшийся редкой жестокостью, истязавший своих крестьян, собственноручно вырывавший усы у солдат во время смотра, весьма склонен был к сентиментальной чувствительности: он мог прослезиться при чувствительном рассказе и тут же приказать строго наказать десятилетнюю девочку за нечисто выметенную дорожку (Европеус); он любил наряду с самой изысканной порнографией почитать книжки «О вздыхании голубицы и пользе слез», «О нежных объятиях» и т. д. Да, щедринский градоначальник александровских времен Грустилов, с любовью смотревший, как токуют тетерева с такой же любовью, как секут девочек, взят из самой подлинной жизни!

Детство приучило и Александра к этой чувствительности. Муравьев развивал перед ним свои сентиментально-дидактические идиллии о любви к человечеству. И Александр любил, как рассказывает Чарторижский, в духе модного сентиментализма мечтать о сельском уединении, восторгаться полевым цветком, бытом поселян⁶. Сельский пейзаж легко вызывал в нем разговоры о бренности и суетности жизни, и он выражал охоту даже уступить «свое звание за ферму». Я «жажду лишь мира и спокойствия», – писал он Лагарпу 21 февр. 1796 г. Можно было бы подумать, что инертность натуры заставляет мечтать о «ленивых досугах спокойной жизни». Этой инертности отнюдь не было у Александра, как мы отчетливо увидим дальше. Не было и той «особенной глубины», которую видела Екатерина в природе своего внука. Его чувствительность была скорее наносного характера, как вся позднейшая мистика. Он сохранял чувствительность до конца жизни, и в нем она уживалась так же, как и у других, с проявлением большой подчас жестокости.

Александр – «сама добродетель», говорит о нем Екатерина. Однако эти обычные суждения о личной мягкости Александра в значительной степени опровергаются его поступками. Он горько плачет, когда И.И. Дмитриев («Мелочи») докладывает ему о жестоком обращении помещицы с дворовой девкой. «Боже мой! можем ли мы знать все, что у нас делается», – с горечью воскликнет он. Но затем Александр узнает, что ген. Тормасов келейно наказал розгами дворового Кириллова, который позволил себе на Тверском бульваре в Москве произнести «неприличные слова» насчет помещиков. «Неприличные слова» заключались в разговоре о вольности и независимости крепостных людей. Александр вознегодует на слабость Тормасова: за «столь буйственный и дерзновенный поступок следовало наказать наистрожайшим образом и публично». Александр будет рыдать в объятиях Магницкого, когда тот будет докладывать о состоянии, в котором пребывает Казанский университет; он будет проливать «обильные слезы» в назидательной беседе с европейской пифией бар. Крюденер; его лицо оросится слезами в беседе с прибывшими в Петербург квакерами; он будет плакать, слушая, как Шишков читает свои глубокомысленные выкладки, почерпну-

⁶ Припомним пастушеские идиллии в швейцарских домиках Марии Антуанеты в Трианоне.

тые из Священного Писания для объяснения современных событий и т. д. Он будет беседовать с квакерами о спасении души и веротерпимости, говорить в официальных указах, что человеческие заблуждения нельзя исправить насилием, а лишь просвещением и кротостью. Издаст знаменитый указ о духоборах, который «останется честью России», по замечанию А.И. Тургенева, и прикажет расстрелять несколько духоборов за отказ сражаться во время войны. Будет выслушивать проповеди «искупителя» – скопца Кондратия Селиванова, и тут же, вопреки решению военного суда, прикажет наказать солдат-скопцов батогами.

Александр издаст в 1804 г. рескрипт ген. – лейтен. Украинской инспекции Бауру о прекращении жестокого обращения, но когда до него дойдет известие об усмирении Аракчеевым в 1819 г. бунта в чугуевских военных поселениях, – усмирения, во время которого многие умерли под шпицрутенами, Александр в ответном письме всецело одобрит своего друга и выскажет лишь сожаление о тех волнениях, которые должна была претерпеть «чувствительная душа» Аракчеева. «Жаль мне выше всякого изречения твоего чувствительного сердца», – повторяет он в письме к Аракчееву по поводу известия об убийстве крепостными свирепой любовницы последнего Анастасии Минкиной. Когда Александру будут говорить о вреде военных поселений, он скажет свою знаменитую фразу: «Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Примером необычайной жестокости может служить позднейший приговор по севастопольскому делу, где подсудимые солдаты за бытность в сражениях избавлялись от «бесчестного кнутом наказания», но присуждались к прогнанию шпицрутенами шесть раз через батальон, а затем к отправке в рудники. За что? За то, что они возмутились против жестокости командира полка. Шварца; за то, что Александр в их выступлении увидел политическую агитацию. Весь Петербург знал о зверствах начальника гвардейского гусарского полка В.В. Левашева. Вся гвардия, рассказывает М.И. Муравьев-Апостол, говорила о возмутительном случае с заслуженным вахмистром, вызвавшим его смерть. И Левашев не только оставался любимцем Александра, но находился в «еще большей милости».

Панегирист Александра и Растопчина Ал. Булгаков замечает по поводу пожертвования Александром 500 р. одной старухе, что «историографу Государя надобно бы следовать всюду за ним и собирать все сии ангельские черты доброты и великодушия». Но об этой доброте и великодушии приходится говорить очень относительно. И быть может, гораздо более прав официальный историк александровских дней, писавший, что Александр более «любил оказывать милость, нежели воздавать по заслугам», и охотнее дарил «тем, у которых и без того было много» (Русская старина. 1903 г. С. 1, 7). Сумасбродный Павел приказал было повесить смоленского помещика Храповицкого за то, что последний выслал крестьян чинить дорогу перед царским проездом, благословенный Александр, колесивший в течение всего своего царствования без толку по большим дорогам, управлявший Россией, по выражению Вяземского, «с почтовой коляски»⁷, заставлявший для себя прокладывать дороги по диким местам, в аналогичном случае на представление малороссийского ген. – губернатора кн. Репнина, что дороги плохи потому, что пришлось дать льготы крестьянам, не высылать их на большие дороги, обмолвился циничной фразой: «Что они дома сосут, то могут сосать на больших дорогах» (Якушкин)⁸.

Как, однако, характерны эти мелкие штрихи для обрисовки светлого идеализма Александра. Приходится поверить ген. С.А. Тучкову, отмечавшему прирожденную жестокость Александра.

⁷ Еще Воронцов справедливо замечал в письме к Строганову в 1803 г.: «Если бы вместо путешествий по большим дорогам он (т. е. А.) посвятил это время на изучение полезных для России реформ, положение было бы иное».

⁸ В. кн. Ник. Мих. отрицает возможность такой фразы у Александра. Это отрицание, так сказать, психологическое. Нам представляется, напротив, рассказ Якушкина правдоподобным.

Но Александр умел скрывать свои наклонности. Если «прекрасная Като», как называл Екатерину Вольтер, обладала редким даром обольщения людей, то, быть может, ее внук обладал им еще в большей степени.

Уже в детстве Александр необыкновенно «обходителен». Это – «редкий экземпляр красоты, доброты и смысленности», – писала о нем Гримму Екатерина. «О! он будет любезен, я в этом не обманусь» – эти слова относились к трехлетнему Александру. И действительно, «господин Александр» умел подходить к людям, умел им внушить по первому впечатлению симпатии и даже восторг.

«Это сущий прельститель», – сказал о нем Сперанский. Это «привлекательная особа, очаровывающая тех, кто соприкасается с ним», – повторил то же Наполеон Меттерниху. Привлекательная наружность Александра, «почти женская», по выражению Вигеля, сама по себе уже вызывала такое обольщение, и особенно среди женщин⁹. «Грациозная любезность» Александра, его «умелая почтительность», «величественный вид», «бесчисленное множество оттенков» в голосе и манеры, отмечаемые графиней Шуазель, чудные, красивые «позы античных статуй», «глаза безоблачного неба», – все это придавало внешнее обаяние его фигуре¹⁰.

Вот, напр., запись Жихарева в дневнике 2 сент. 1806 г.: «Какая величаявая наружность. Какой красавец и ко всему этому – какая душа! Что за ангельское лицо и платоническая улыбка».

Система воспитания и условия, при которых протекали юные годы, лишь изощрили природные черты – «се grand charmeur’a» – эту поистине виртуозную способность приспособляться и подносить при желании каждому «любимое его кушанье». Александр поражал своей «обходительностью» в три года, когда воспитание и среда не могли еще оказать влияния. Затем ему пришлось пройти хорошую школу угождения властолюбивой бабке и подозрительному отцу. И тут помог воспитатель, опытный царедворец Н.И. Салтыков. Александр прекрасно умел лавировать между салоном Екатерины и гатчинской казармой Павла, хотя и писал Кочубею, что ему очень трудно держаться «золотой середины». Ему приходилось жить «на два ума, – говорит Ключевский, – держать две парадные физиономии».

Это, правда, была хорошая школа скрытности и неискренности, но школа, которую легко было пройти Александру: и в салоне, и в казарме он чувствовал себя как дома. От перемены он отнюдь не попадал в «страдательное положение», и тяжелая «служба» при Павле не могла надломить его «восторженной и благородной натуры». Как ни странно, но восторженный поклонник просветительной философии был страстный любитель всякого рода фронтовых обязанностей. Очевидно, это была врожденная, наследственная черта, – черта, отличавшая деда и дошедшая до нелепых пределов при отце. Эту любовь к «милитаризму» в юные годы отмечает нам и воспитатель Александра Протасов в 1793 г., и друг его юности Чарторижский (1797 г.). Александр жалуется Лагарпу, что при Павле «капрал» предпочитается человеку образованному и полезному, но и сам предпочитает Аракчеева любому из своих друзей и охотно с ним переписывается в это время на тему о муштровке солдат. Это «по нашему, по-гатчински», – с удовольствием констатировали великие князья, когда речь заходила о сравнении двух порядков (Чарторижский).

Любовь к военным экзерцициям Александр сохранил на всю свою жизнь, уделяя им наибольшее время, и она, в конце концов, обращается действительно в «парадоманию», как назвал эту склонность Александра тот же Чарторижский. Молодой царь в периоде мечтаний о реформе одинаково занят и своими фронтовыми занятиями. Так, в 1803 г. он дает свое зна-

⁹ См. в главе «Мелочи» заметку «Александр I и женщины».

¹⁰ Природа наделила его щедро самыми любезными качествами (Чарторижский); «природа наделила его всякими достоинствами» (Массой).

менитое предписание: при маршировке делать шаг в один аршин и таким шагом по 75 шагов в минуту, а скорым по 120 «и отнюдь от этой меры и каденсу ни в коем случае не отступать». Ген. С.А. Тучков в своих записках дает очень яркую картину казарменных наклонностей Александра, когда в 1805 г. автор записок попал в Петербург. Его двор, рассказывает Тучков, «сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск солдаты, с которыми он проводил по несколько часов, делая заметки мелом рукою на мундирах и исподних платьях, наполняли его кабинет вместе с образцовыми щетками для усов и сапог, дощечками для чищения пуговиц и других подобных мелочей». Беседует Александр с Тучковым на тему, что ружье изобретено не для того, чтобы «им только делать на караул», и вдруг разговор сразу прерывается, так как Александр увидел, что гвардия при маршировке «недовольно опускает вниз носки сапогов». «Носки вниз!» – закричал Александр и бросился к флангу. Александр целыми часами в это время мог проводить в манеже, наблюдая за маршировкой: «Он качался беспрестанно с ноги на ногу, как маятник у часов, и повторял беспрестанно слова: “раз-раз” – во все время, как солдаты маршировали». В то же время Александр тщательно смотрел, чтобы на мундире было положенное число пуговиц, зубчатые вырезки клапанца заменяет прямыми и т. д.

Помимо Тучкова мы имеем немало и других аналогичных свидетельств.

«С грустью видят, – говорила Мария Федоровна в письме 18 апреля 1806 г., заключающем материнский совет обратить внимание на неудовольствие, существующее в столице и в провинции, – что Вы отдаете слишком много времени мелким ежедневным упражнениям, которым должны заниматься субалтерн-офицера».

В самый разгар творческой как бы работы на Венском конгрессе, когда шла речь о Польше, в чем Александр был лично заинтересован, так как вопрос затрагивал его самолюбие, он отдает предпочтение гусарской форме. Анштет должен представить записку о Польше, но он не торопится, ибо в данный момент Александр «слишком занят гусарской формой и безутешен, не имея подходящей, тогда как король прусский уже появился в форме гусара» (Фурньер).

И действительно, Александр – в этом отношении совершеннейший отец. Он всегда готов заниматься смотрами. Он считал, как и отец, рассказывает М.И. Муравьев-Апостол, своей «священной обязанностью» присутствовать каждый раз при разводе в Семеновском полку. Даже в июне 1812 г. в Вильне разводы занимают первое место. На смотрах Александр видит только наружность: стойку, вытянутый носок, неподвижность плеч, параллелизм шеренг, как сообщает позднее – в 1820 г. – ген. Сабанеев, сам большой фронтовик. «У нас были шаги петербургские, могилевские и варшавские», – дополняет Муравьев. Эти шаги измерялись по хронометру, и надо было шагать так, чтобы султан на голове не шевелился.

В.И. Бакунина рассказывает в своих воспоминаниях, как 13 января 1812 г. арестовываются все офицеры третьего батальона пешего полка гвардии за «плохую маршировку». Был сильный мороз, и офицеры озябли... Хорошо известен случай, столь сильное впечатление произведший на И.Д. Якушкина, в 1814 г., когда Александр бросился с обнаженной шпагой на мужика, пробежавшего через улицу перед лошадью императора, готовившегося отдать честь императрице. Блестящий маневр по всем правилам искусства не удался, и это взорвало всегда столь сдержанного Александра. Чем дальше, тем больше. И в конце концов «разводы, парады и военные смотры были почти его единственные занятия» (Якушкин).

Это был удел и для всех военных. В одном неопубликованном еще письме молодого кн. И. Щербатова к отцу и сестре в 1817 г. раздается горькая жалоба, что все время с 3 час. утра до 6 вечера уходит на военные экзерциции: с 7 – 11 в роте, с 11 – 1½ развод, 2–5½ ученье в манеже. «Странно ли после сего, – пессимистически замечает молодой служака, – что большая часть из нас никуда не кажет носу»... Военные занятия настолько поглощали самого Александра, что в 1824 г., узнав о смерти той, которую считал своей дочерью, Софьи

Нарышкиной, он заливается слезами, но тем не менее отправляется на учение и, только окончив его, едет поклониться праху умершей... Вероятно, и военные поселения, достигшие под аракчеевской палкой изумительных совершенств в делах военных экзерциций, Александр любил преимущественно за эту сторону, которая так радовала его душу. Константин Павлович, большой любитель «гатчинской муштры» и аракчеевской шагистики, искренно восторгавшийся теми «штуками», которые на смотрах проделывала французская армия, и тот ужасался теми крайностями, к которым приводило увлечение Александра фронтом. В 1817 г. он выразил даже уверенность, что гвардия, поставленная на руки ногами вверх, а головой вниз, все-таки промарширует – так она вышколена и приучена танцевальной науке.

Какая же разница между Павлом и Александром? В данном случае никакой: «жестокость и грубость, заведенная Павлом, не искоренялись в царствование Александра, а поддерживались и высоко ценились» (М.И. Мур. – Апостол). Военщина возведена в идеал – не даром в период Веронского конгресса Александр с откровенностью говорил старой кн. Мещерской, что он презирает все, не носящее формы. «Люди гнусного вида во фраках» – так позднее характеризовал правительственный акт некоторых участников 14 декабря – очевидно, были глубоко антипатичны и Александру.

Быть может, любовь к фронту у Александра объясняется отчасти и свойственным ему формализмом. Ген. Ермолов говорил, что любовь к «симметрии» у Александра являлась наследственной хронической болезнью. Сенатор Фишер рассказывает, что Александр сердился, если лист бумаги, на котором представлялся доклад, был 1/8 дюйма больше или меньше обыкновенного. Если первый взмах пера не выделял во всей точности начало буквы А, император не подписывал указа.

С седыми волосами этот педантизм превращался в мелочную придирчивость. Он пишет, напр., Аракчееву 3 марта 1824 года: обратить внимание ст. секр. Оленина на то, что «писец сей мемории не соблюдает данного правила: более оставляет промежутков между словами». Немудрено, что и результатом наблюдений царственного путешественника по большим дорогам являлись почти исключительно указы, аналогичные следующим: при проезде через Серпухов замечено, что «почтальон имел неформенное одеяние и золотые канительные погоны (2 сент. 1823 г.); при проезде через Тверскую губ. усмотрено, что «Москва» не выкрашена положенною трехцветною краскою (21 авг.); при проезде через Новгородскую губ. он заметил, что нет узаконенного пограничного столба и что верстовые столбы стоят криво... Но любопытно, что Александр не заметил, что в «некоторых городах целая улица заносилась заборами, чтобы скрыть лачуги бедных жителей от взора императора».

Конечно, эта «фатальная мания», присущая, как заметил гр. Габрион в 1820 г., всей царской семье, была печальным наследием Павла I и Петра III. Только по какому-то недоразумению наблюдательный Массой мог сказать в своих воспоминаниях, что Александр от отца не унаследовал ни одной черты.

Гатчинский казарменный режим лишь усилил природные склонности Александра, которые не могло смягчить полученное им образование. Оно было в действительности слишком поверхностно, слишком рано кончилось (18 лет), не дав ему ни реальных знаний, ни дисциплины ума, ни самой элементарной привычки к умственной работе. При той праздности и лени, которую отметил в своем дневнике Протасов еще в 1792 г., не могло быть и речи о глубоком образовании, а какое было, легко выветривалось на вахтпарадах¹¹.

¹¹ Недостаток умственной дисциплины отмечает уже всю жизнь Александра. Об этой непривычке к умственной работе говорят нам почти все иностранцы, имевшие возможность наблюдать русского императора в каждодневной работе во время Венского конгресса. Их описание времяпрепровождения Александра можно характеризовать коротко: он не сидит за письменным столом, днем на маневрах, вечером танцует (см. еще в отделе «Мелочей»). Александр, от «природы ленивый», вообще не утруждал себя серьезной мыслью и серьезным чтением. Во время уроков Лагарпа преимущественно дремал. В юности знания его были поверхностные, и пока он был великим князем, «не прочел до конца ни одной серьезной книги» (по

Мы можем лишь пожалеть, что живой и проницательный ум и возвышенные нравственные качества, которые отмечают воспитатели Александра, не получили развития и совершенно ступсывались перед отрицательными чертами его характера. Эти отрицательные черты отметили те же воспитатели: «лишнее самолюбие», «упорство в мнениях, т. е. упрямство», «некоторую хитрость» и желание «быть всегда правым». Александра можно было бы упрекнуть в «притворстве», пишет один из этих ранних наблюдателей характера великого князя, если бы его осторожность «не следовало приписать скорее тому натянутому положению, в каком он находился между отцом и своей бабушкой, чем его сердцу, от природы искреннему и открытому». «В нем есть не свойственная его возрасту осторожность, осмотнительность, похожая на притворство», – замечает и Массой, рисующий облик молодого Александра, в общем, в крайне привлекательных чертах. Юность всегда скрадывает недостатки, она всегда до некоторой степени искренна. Но затем недостатки вырисовываются уже более рельефно. Однако и в юности неискренность Александра может удивить. Он пишет письмо Екатерине, в котором соглашается на устранение Павла от престола, а накануне в письме к Аракчееву называет отца «Его Императорское Величество». Недаром сам Павел считал сдержанность Александра, умевшего держаться перед бабушкой «добронравным автоматом», по выражению Кизеветтера, в действительности не чем иным, как простым лицемерием.

Гр. Эделинг (урожд. Стурдза) в своих воспоминаниях утверждает, что она знала человека, слышавшего непосредственно от Александра утверждение: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, про нас более не услышат». В действительности Александр не только не спасся в Америку, не только не уклонился от «несправедливости», но и принял непосредственное участие в заговоре, устранившем отца от престола и лишившем его жизни. Правда, на другой день после убийства Павла он будет говорить шведскому послу Стедингу: «Я самый несчастный из людей». И тот убежденно ответил: «Да, Государь, вы действительно должны себя чувствовать таковым».

Каково было истинное самочувствие Александра, мы увидим. Но вот пока другой яркий пример его поразительного двоедушия.

В 1799 г. Аракчеев получает отставку. Александр, узнав, что на место его назначен Амбразанцев, выражает большую радость в присутствии людей, ненавидевших павловскую креатуру. «Ну, слава Богу... Могли попасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев». А между тем незадолго до такого отзыва Александр изливается в дружбе и любви к этому «мерзавцу» и через две недели вновь пишет к своему «другу». С некоторой наивностью Мария Федоровна 14 марта 1807 г. дает мудрый совет своему сыну: «Вы должны смотреть на себя, как на актера, который появляется на сцене». Но Александр и так уж был хорошим актером. Проявляя самую нежную внимательность и почтительность к матери, он в то же время подвергает перлюстрации письма вдовствующей императрицы к Беннигсену и следит за ее отношениями к принцу Евгению Вюртембергскому, опасаясь материнского властолюбия¹². (Дневник-секрет М.Ф. Вилламова.)

В жизни Александр всегда, как на сцене. Он постоянно принимает ту или иную позу. Но быть в жизни актером слишком трудно. При всей сдержанности природные наклонности должны были проявляться. Не этим ли следует объяснять отчасти и противоречия у Александра?¹³

свидетельству Чарторижского), а позже, по словам Греча, он читал одни только французские романы и выписки из иностранных газет. До конца жизни он не знает и не интересуется русской литературой. Он не только ничего не читает по-русски, но даже плохо объясняется на своем родном языке. Совершенно таким же было и его знакомство с мистикой.

¹² Также перлюстрируется в позднее время переписка ближайшего друга Александра кн. Петра Волконского.

¹³ Их должна была отметить еще Екатерина: «этот мальчик соткан из противоречий».

Понятно, что при таких условиях Александр производил самое различное впечатление на современников¹⁴. Их отзывы донельзя разноречивы. Правда, показания современников очень субъективны, далеко не всегда им можно безусловно доверять. Малую ценность для историка имеет официальное виршество Державина, его поэтическое предвидение высоких дарований нового императора: восторженно приветствуя одой восшествие на престол Александра, екатерининский гений с такой же восторженностью перед тем приветствовал и Павла. Мы не придадим ценности масонским приветственным песням: «он – блага подданных рачитель, он – царь и вместе человек». Ведь это тоже полуофициальное виршество. Но когда люди различных лагерей сходятся в определении черт характера, когда панегиристы отмечают отрицательные его стороны, когда эти отзывы совпадают с фактами, которые мы знаем, тогда мы имеем полное право доверяться таким показаниям современников. И факты лишь объясняют то, что современникам казалось непонятным в загадочной личности императора Александра.

Среди голосов современников наибольшую, конечно, ценность имеют те, которые изображают нам непосредственные впечатления. Впрочем, кратковременное знакомство неизбежно приводило весьма часто к обманчивому впечатлению. Так было с г-жой Сталь. Она была в восторге от Александра, увидев в нем «человека замечательного ума и сведений». «Государь, ваш характер есть уже конституция для вашей империи, и ваша совесть есть ее гарантия», – сказала известная своей наблюдательностью французская писательница. Она очень плохо поняла императора, и ее слова в 1812 г. после ссылки невинного Сперанского могли скорее звучать иронией. Александр скромно отвечал г-же Сталь: «Если бы это было так, я все-таки был бы только счастливою случайностью». Но Александр в этом отношении далеко не был «счастливой случайностью». Также обольщен был и знаменитый Штейн, видевший в Александре лишь орудие осуществления своих патриотических целей. «Александр только и думает о счастье подданных и, окруженный несочувствующими людьми, не имея достаточной силы воли, принужден обращаться к оружию лукавства и хитрости для осуществления своих целей». Но сам император «постоянно действует блестящим и прекрасным образом: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этот государь способен к преданности делу, к самопожертвованию, к одушевлению за все великое и благородное». Хотя тут же и Штейн должен сделать оговорку: Александру, «быть может, вообще не хватает глубины чувства и способности к продолжительным привязанностям».

Этот «сущий прельститель» действительно умел обольщать людей при первом знакомстве, и распознать его можно было только во времени. Такое разочарование должна была пережить прусская королева Луиза, искренне увлекшаяся «единственным Александром», каким он явился для нее на первых порах. 13 июня 1802 года Луиза пишет своему брату: «он распространяет вокруг себя счастье и благословение каждым своим решением. Каждый его взгляд создает кругом счастливых, людей, осчастливленных его милостями, его небесной добротой». «В вас воплотились все совершенства, – пишет она в 1806 г. самому Александру, – нужно знать вас, чтобы верить в совершенство». Правда, здесь со стороны Луизы звучал голос искреннего личного увлечения, находившегося в созвучии с той горячей любовью к родине, которая заставляла и Штейна верить в обещания Александра. Но для Александра все эти отношения к Луизе были лишь фазой расчетливого политического флирта. Дипломатия побудила его холодно обмануть любившую его женщину. И с горечью после Тильзита Луиза должна была замечать своей подруге: «Нет, правда, мир не лучший из миров, и люди в нем не лучшие из людей. Не нужно Лагарпов для моих сыновей». Правда, ей еще подчас

¹⁴ Позднейший историк Венского конгресса, Фурньер, посвятивший много страниц роли Александра на конгрессе, говорит: «Еще и теперь историки считают его (т. е. А.) трудно уловимой натурой. Таким же он был и для своих современников, которые видели, как этот умный, способный, широкообразованный, непрерывно колебался между патетическим идеализмом и хитрым расчетом (и затем осуществлением), быть любезным и противоположным капризом».

кажется, что во всем виноваты окружающие люди. Но постепенно карты раскрывались, – «политический флирт» со стороны Александра должен был закончиться. Открылись и глаза Луизы. Побыв в Петербурге в 1808 г., встретив со стороны Александра холодное официальное отношение, столь разительное после прежних интимных и душевных взаимоотношений, оскорбленная в Тильзите, Луиза с горечью пишет той же своей подруге: «Человек, который любит только форму, это еще очень мало»¹⁵. В Луизе все еще говорит благородная любящая женщина, обманутая в своих ожиданиях.

Но несколько уже другой тон звучит в 1823 г., в отзыве французского посла графа Лафероне: «Я всякий день более и более затрудняюсь понять и узнать характер императора Александра. Едва ли кто может говорить с большим, чем он, тоном искренности и правдивости... Между тем частые опыты, история его жизни, все то, чему я ежедневный свидетель, не позволяют ничему этому вполне доверяться...» «Самые существенные свойства его – тщеславие и хитрость или притворство; если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину», – говорит об Александре в своих записках Фарнгаген. «Характер Александра, – по отзыву Меттерниха, – представляет странную смесь качеств мужа и слабостей женщины». Отсутствие правдивости и прямоты отметит нам и панегирист Александра Алисон. Притворство, по словам Михайловского-Данилевского, человека, близко сталкивавшегося с Александром, составляет «одну из главных черт характера» императора! «Я беспрестанно наблюдал Императора и во всех его поступках наблюдал мало искренности; все казалось личиной»; «Я сохранил навсегда истинное уважение к великим его дарованиям, но не испытываю одинаковых чувств к личным его свойствам». Близкий Александру человек, гр. П.А. Строганов, отмечает ту же черту: «Наружная обворожительная любезность, за которой никто не мог уловить настоящих чувств его, и какая-то кокетливая скрытность чуть ли не перед самим собой». «Нет на свете государя более подозрительного, – записывает в сентябре 1814 г. большой поклонник Александра известный идеолог реакции Жозеф де Местр, – у него удивительное чутье и осторожность, чтобы отгадывать в людях, к чему они склонны».

Отсюда удивительное умение использовать людей, приспособляться к ним и строить свои собственные успехи на чужой доверчивости. «У Александра, – замечает А.А. Кизеветтер, – хитрость и лукавство, способность носить непроницаемую маску на своем прекрасном лице стало для него сознательным орудием самосохранения». Вернее, однако, орудием не самосохранения, а проведения своих целей. При таких условиях Александр мало кому из людей доверял. Непостоянство Александра прекрасно видели его друзья. «Поверь мне, – говорил кн. П.М. Волконский Данилевскому, – что через неделю после моей смерти обо мне забудут». Полагаться на благосклонность Александра нельзя – это общий голос всех его приближенных. Александр всегда говорил, что он не переменчив. Само по себе уже одно это постоянное упоминание кажется биографу Сперанского, бар. Корфу, подозрительным. Оно свидетельствует о противоположном. И быть может, только по отношению к Аракчееву мы видим известное постоянство, но «Аракчеев, – замечает Корф, – составлял не правило, а изъятие»¹⁶.

¹⁵ Взаимные отношения Луизы и Александра очень ярко изображены в этюде А.К. Дживелегова, напечатанном в «Голосе Минувш.». 1913 г. № I.

¹⁶ Причина непонятной привязанности Александра не так уже будет непонятна, если отрешиться от традиционного взгляда на благородный идеализм его натуры. Как было указано, интеллектуальность Александра не так уже была велика и не так уже была чужда понятию истиннорусского неученого дворянина Аракчеева. Роднили их одинаковые интересы и вкусы. Оба в жизни были к тому же большие актеры, и эта черта их также роднила. Чего стоит, напр., одна только поза Аракчеева, заведовавшего всем, пользующегося расположением Александра, хотя и временным, и униженно просящего кн. С.Г. Волконского замолвить «словечко» за него перед Винцегероде. Привязанность личная к Аракчееву объясняется в значительной степени, как показывает А.А. Кизеветтер, той ролью, которую играл Аракчеев во время юности Александра, ролью «самоотверженного дядьки, прикрывающего молодого барчука от грозного отца». Аракчеев исполнял более чем

Иначе и не могло быть при том болезненном самолюбии, которое отличало Александра, – отличало, как мы видим, еще в детские годы. Он был самолюбив до крайности и вместе с тем злопамятен. «Государь так памятен, – говорил Трощинский, – что ежели о ком раз один услышит худое, то уже никогда не забудет». Александр всегда жаловался, что у него нет людей, что он окружен бездарностями, глупцами и мерзавцами.

Жалуется на это Державину, Энгельгарту, Киселеву и др.: «Я не верю никому, я верю лишь в то, что все люди мерзавцы». Такой вывод мог бы явиться результатом привычки играть в жизни на слабых струнах другого.

И однако, как метко заметил Кочубей Сперанскому: «Иные заключают, что государь именно не хочет иметь людей с дарованиями!» Способности подчиненных как будто даже ему неприятны: «Тут есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно», – добавлял Кочубей. Но в действительности у человека болезненно самолюбивого, стремящегося играть во всем первенствующую роль, черта эта совершенно естественна и понятна. Александр не переносил, когда обнаруживалась какая-нибудь его слабость, даже не слабость, а намеки на то, что он поступил под чьим-либо влиянием. Шишков из авторского самолюбия неосмотрительно сообщил великой княгине Екатерине Павловне, что он автор записки, побудившей Александра в 1812 г. оставить армию. Когда это обнаружилось, Шишков принужден был оставить должность государственного секретаря. Сперанский на себе более, чем кто-либо, испытал непостоянство Александра. Александр, конечно, не верил в его измену. По словам Лористона, «главная вина Сперанского состояла в нескромных отзывах об императоре». Поддаваясь в данном случае требованиям реакционных кругов, Александр отнюдь не хотел признаться в этой слабости и с гневом рассказывал проф. Парроту об измене Сперанского¹⁷. Перед Сперанским он был другим: «На моих щеках были его слезы», рассказывал Сперанский. А потом тщетно Сперанский старается оправдаться перед Александром: письма его систематически остаются без ответа.

Очевидно, Греч в значительной степени был прав, сказав про злопамятность Александра: он никогда прямо не казнил людей, а «преследовал их медленно со всеми наружными знаками благоволения и милости: о нем говорили, что он употребляет кнут на вате».

Александр неоднократно говорил, что он любит правду, любит ее сам говорить, любит ее и слушать. «Вы знаете, – писал он Екатерине Павловне, – что я не люблю создавать себе иллюзий, я люблю видеть все так, как оно есть на самом деле». «Я слишком правдив, – писал он Ростопчину по известному делу Верещагина, – чтобы говорить с вами иначе, как с полной откровенностью. Его казнь была не нужна, в особенности ее отнюдь не следовало производить подобным образом. Повесить или расстрелять было бы лучше». Это писал Александр 6 ноября 1812 г., когда невинность Верещагина была ясно доказана, когда против Ростопчина говорило все общественное мнение, возмущенное жестокой расправой. Александр мог

добросовестно эту роль дядьки. Как характерны, напр., такие сцены, когда Аракчеев являлся в спальню молодых супругов и, заставая их обоих в постели, тут же давал подписывать Александру рапорт о дежурствах и т. п. Лишь раз пробежала кошка между друзьями, когда в 1809 г. Аракчеев при организации Государственного Совета, т. е. при осуществлении якобы плана либеральных начинаний Александра, попросился в отставку. Он хотел испытать свою силу. И Александр очень определенно показал, что он без труда пожертвует своим другом. Он выразил в письме надежду впредь видеть лишь прежнего Аракчеева. И последний уже более не пытался прямо противоречить своему покровителю, идя путем обволакивающим, когда ему чего-либо надо было достигнуть, напр., свалить личного друга царя кн. Голицына. И Аракчеев стал единственным человеком, который мог быть почтен именем доверенного, как замечал гр. Ноаль в 1816 г. Александр работает только с Аракчеевым. Александра интересует главным образом «необыкновенное дело», им затеянное, т. е. военные поселения. Аракчеев же сумел, как никто, положить «хорошее начало», по собственному его выражению, после одной из жесточайших экзекуций в Высоцкой волости. И так как Аракчеева ненавидели действительно все другие сотрудники Александра, то последний в полном соответствии с истиной мог писать ему 22 сентября 1825 г. после убийства аракевской любовницы: «У тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил».

¹⁷ Реальной «виной» Сперанского было лишь самовольное присвоение себе права читать дипломатическую перлюстрацию (см. Ник. Мих. «Александр»).

в 1801 г. сказать Ламбу, возражавшему против какого-то распоряжения по военной части: «Ах, мой друг, пожалуйста, говори мне чаще: н е т а к. А то ведь нас балуют». Ответ этот привел в восторг И.М. Муравьева-Апостола, сообщавшего в письме к С.Р. Воронцову: «Все подобного рода анекдоты нынешнего восхитительного царствования». Но в действительности Александр не терпел, чтобы ему говорили п р а в д у. Он никогда не мог простить Карамзину резкость тона в его записке, порицавшей начинания первых лет царствования, показывавшей ошибки Александра, с чем – под влиянием событий – Александр чувствовал себя вынужденным согласиться. Он не мог переварить малейшей откровенности, малейшей критики и порицания своих действий. Весьма не понравились Александру возражения старика И.В. Лопухина против милиции в 1806 г. Лопухин высказывался против побуждения со стороны правительства к денежным пожертвованиям и упоминал лишь о том, что он видел «от того ропот даже не между бедным купечеством». Болезненное самолюбие проявлялось даже в таких мелочах. Сам если не масон, то якобы сочувствующий масонству, Александр посещает ложу «Трех добродетелей». А.Н. Муравьев, согласно масонскому обычаю, давая объяснения императору, обращается к нему на «ты», как к брату. Александр был сильно шокирован подобным обращением и впоследствии не забыл этой карбонарской выходки будущего декабриста.

При таком отношении к людям, скрывая даже от близких свои потаенные мысли, Александр обосновал на этой своеобразной дипломатии всю свою правительственную политику. Часто его приближенные с удивлением узнавали *post factum* то или иное действие, предпринятое по инициативе императора. Эти действия предпринимались иногда без ведома даже ответственных руководителей того или иного министерства. Император был сам своим министром, – писал Лебцельтерн. И это действительно было так с первых же годов царствования, особенно в политике международной. Что может быть характернее того факта, что о назначении мемельского свидания с прусской королевской четой не знали ни Кочубей, ни Чарторижский. А это шло вразрез с той общей иностранной политикой, которую вело как бы с согласия императора Министерство иностранных дел. Современников чрезвычайно поражала эта черта императора, скрывавшего от своих сотрудников не только свои предположения и действия, но иногда и факты. Чаадаев, прибывший за границу к Александру с сообщением о волнениях в Семеновском полку, был поражен, услышав от своего шефа приказ ничего не говорить об этом кн. А.С. Меншикову, бывшему начальником канцелярии Главного штаба. В 1809 г. записки Сперанского передавались Александру через камердинера Мельникова с вымышленными печатями, дабы об этом не узнал Аракчеев. Вспомним, как таинственно позже, что называется через заднюю дверь, вводится к императору арх. Фотий, дабы об этом не узнал преждевременно друг Александра и враг Фотия кн. Алекс. Голицын. И так было постоянно и по отношению ко всем. Когда в июле 1825 г. Александр по просьбе Аракчеева принимает Магницкого, он озабочен, чтобы последний не встретился с Карамзиным, которому также назначена аудиенция. Он просит Фотия утешить Аракчеева в связи с убийством Минкиной, ибо «служение графа Аракчеева драгоценно для отечества» и требует «хранить в тайне» его письмо.

Одним словом, вся внутренняя политика была построена у Александра на сплошном обмане. У него вошло в обычай посылать особых доверенных лиц для выполнения тех или иных заданий, минуя своих министров: так, посылается без ведома министра иностранных дел Румянцева в 1805 г. в Берлин с секретным поручением к Фридриху Вильгельму кн. П.П. Долгоруков, так посылается Винцегероде к Наполеону в 1812 г. или позже Мишо де Боретур к римскому папе¹⁸. Особенно ярко сказалась усвоенная Александром система управления

¹⁸ См. заметку С. Мельгунова: «Был ли Александр католиком». Факты, характеризующие эту своеобразную политику Александра, собраны в исследовании Ник. Мих.

в эпоху Отечественной войны, в период которой почти к каждому из главнокомандующих приставлялись особо доверенные для царя лица, которые должны были доносить непосредственно Александру. Надо ли говорить, что в это время подобная политика была особенно неуместной¹⁹.

Понятно, что при таких условиях ни один более или менее крупный человек не мог быть долгое время в фаворе у Александра. Понятно, почему русские министры приобрели, как отмечает Меттерних в одном из писем к Лебцельтерну, плохую привычку своим сообщениям придавать краску, которая, как им кажется, будет приятна их венценосцу.

И вся эта политика Александра основывалась исключительно на самолюбии и на жажде личной славы.

Этими именно чертами его характера можно объяснить много загадочных противоречий в деятельности Александра. Искание популярности, желание играть мировую роль, пожалуй, и были главными стимулами, направляющими деятельность Александра. Как человек без определенного мирозерцания, без определенных руководящих идей, он неизбежно должен был бросаться из стороны в сторону, улавливать настроения, взвешивать силу их в тот или иной момент и, конечно, в конце концов подлаживаться под них. Отсюда неизбежные уколы самолюбия, раздражение, сознание утрачиваемой популярности. Быть может, такова неизбежная судьба всякого игрока – и особенно в области политики. Доведенная даже до артистического совершенства, подобная игра должна была привести к отрицательным результатам. Таков и был конец царствования Александра I, когда, в сущности, недовольство охватывало и реакционные и либеральные круги русского общества. Реформаторские порывы, парализованные своей половинчатостью, не удовлетворяли и тех, на кого мог опереться Александр и у кого он снискал популярность на первых порах, не удовлетворили они и тех, кто свято блюл заветы старины. Глубоко ошиблась Екатерина в своем предвидении: «Я оставлю России дар бесценный – Россия будет счастлива под Александром».

А между тем мы з н а е м, что Александр начал царствовать при самых благоприятных ауспичиях. Его воцарение было встречено дворянством с восторгом. «После бури, бури преужасной, днесь настал нам день прекрасный», – распевала гвардия. Русский посол в Италии Бороздин, узнав о смерти Павла, дал бал.

«Самому Тациту, – подтверждает Булгарин, – не достало бы красок для изображения той живой картины общего восторга, который овладел сердцами при вести о воцарении Александра». «Наш ангел», – писал о нем упомянутый Муравьев-Апостол; Александр, «хотя и рожден на троне, носит в сердце все чувства, составляющие сущность гражданина и друга человечества», – продолжает восхвалять в своей переписке 1803 г. неудержимый дифирамбист молодого императора его прежний воспитатель Лагарп, по своей наивности не понимавший той прямой отставки, которую он к этому времени получил.

Невозможно, конечно, сказать, каковы были душевные мысли самого Александра. Вряд ли, однако, Александр был так наивен, чтобы думать, что «достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей», и что благоденствие само водворится без всяких усилий с его стороны. Быть может, в его голове и роились грандиозные планы реформы «безобразного здания империи», убаюкивающие его самолюбие. Его туманные мечтания давали повод говорить о его величии, о молодом монархе, который горит желанием «улучшить положение человечества»; предрекать, что Александр вскоре получит в Европе преобладающее влияние; намекать на то, что это крайне нежелательно «для некоторых равных Александру по могуществу, но бесконечно ниже его стоящих по мудрости и доброте», т. е. намекать, что Александр может явиться достойным соперником великого Наполеона, как это делал Стоун в письме к Пристлею. Наполеон нес с собой деспотизм. «Ныне это – знаменитейший из

¹⁹ См. статью «Вожди армии».

тиранов, каких мы находим в истории, – писал Александр в 1802 г. по поводу объявления Наполеона пожизненным консулом. – Завеса упала; он сам лишил себя лучшей славы, какой может достигнуть смертный... доказать, что он без всяких личных видов работал единственно для блага и славы своего отечества». Именно таким бескорыстным деятелем должен был стать сам Александр, с тяжелым сердцем отказавшийся от добровольного изгнания, от мечтаний блаженствовать в сельском уединении, променявший скромную ферму на порфиру и корону только для того, чтобы посвятить себя «задаче даровать стране свободу».

Нельзя забывать и того, что этот либерализм диктовался условиями времени. Русское дворянство, отнюдь не склонное к мечтательным идиллиям о человеческом благе, еще менее чувствовало симпатии после кошмарного царствования Павла к проявлению самодержавного деспотизма; в нем достаточно сильны были олигархические тенденции. Обещание царствовать по законам Екатерины означало водружение старого знамени – дворянской монархии. И первые либеральные меры Александра восторгом встречались безотносительно к их либерализму – это была оппозиция прошедшему «царствованию ужаса».

«При восшествии В.И.В. на престол, – свидетельствует позднейшая критическая записка, вышедшая из дворянских кругов, – блестящая перспектива открылась очам народа; торжественное обещание управлять по законам и сердцу августейшей бабки Вашей сосредоточило к Вам все надежды и сделало Вас предметом всеобщего обожания».

Если событие 11 марта 1801 г. «подобно коршуну терзало его (Александра) чувствительное сердце», если «наподобие гётевскому Фаусту» ничто не могло «заглушить в нем немолчного голоса совести», то в равной мере на него действовало и впечатление страха.

Убийство Павла теперь достаточно выяснено. Очевидна и роль в нем Александра. Переворот совершился с ведома Александра. Много фактов подтверждают слова Палена Ланжерону: «Мне казалось невозможным действовать без согласия и даже содействия вел. кн. Александра». Это содействие выразилось, как известно, в назначении на караул Семёновского полка вне очереди. Плац-майор Михайловского дворца Аргамаков утверждал даже, что Александр непосредственно убеждал его вступить в заговор «не за себя, а за Россию». Если Александр имел после убийства вид человека, удрученного грустью и растерянного неожиданным ударом рока» (де Саглен), то все же он косвенно был отцеубийцей. Недаром Александр, узнав об убийстве Павла, воскликнул: «On dira que je suis un parricide» (скажут, что я отцеубийца).

И можно скорее удивляться, как мало в своей жизни он от этого страдал, особенно в эпоху позднейших религиозных переживаний.

Для личности Александра чрезвычайно характерно отношение к заговорщикам. Естественно, что он их не мог карать, раз сам участвовал в заговоре, хотя этого и требовал, быть может, престиж трона, как то пытался доказать Александру Лагарп в письме от 30 октября 1801 г. «Убийство Императора в его собственном дворце, – писал бывший воспитатель молодого царя, – в лоне его семьи не может остаться безнаказанным, без того, чтобы не попать божеских и человеческих законов, не скомпрометировать достоинство монарха, не подвергнуть нацию опасности стать добычей недовольных, достаточно дерзких, чтобы отмстить монарху, распорядиться его троном и принудить его преемника даровать им безнаказанность». «Государь! – продолжает Лагарп, – только беспристрастное, публичное, строгое и быстрое правосудие может и должно обуздать подобные покушения». В ответ на это письмо Александр постарался поскорее избавиться от надоедливого ментора и выпроводил его из России.

Таким образом, баварец Ольри, писавший к себе на родину из Петербурга, что Лагарп «сохранил за собою полное доверие своего августейшего ученика», что до отъезда Лагарпа из России и во время его последнего пребывания в Петербурге император именно у него искал отдыха от дел и черпал советы, – глубочайшим образом заблуждался.

Из всех участников заговора наиболее враждебное отношение к себе испытали гр. Н.П. Панин и кн. Яшвили. Первый не был даже в числе непосредственных убийц Павла. Почему же по отношению к нему так прочна была опала? Не потому ли, что Панин, по его словам, обладал «одним автографом» для доказательства, что все «получило санкцию» Александра. Каков был этот автограф, к сожалению, мы не знаем. Зато мы знаем другой автограф, послуживший причиной ненависти Александра к кн. Яшвили. Он напечатан у вел. кн. Ник. Мих. — это письмо Яшвили к молодому царю. Письмо заканчивалось призывом быть на престоле, «если возможно, честным человеком и русским гражданином. Человек, который жертвует жизнью для России, вправе Вам это сказать. Я теперь более велик, чем Вы, потому что ничего не желаю, и если бы даже нужно было для спасения Вашей славы... я готов был бы умереть на плахе; но это бесполезно, вся вина падет на нас, и не такие поступки покрывает царская мантия!» «Дерзновение» Яшвили никогда не было прощено самолюбивым Александром. Отсюда негодование Александра на Кутузова, осмелившегося во время Отечественной войны принять Яшвили на службу: «Вы сами себе приписали право, которое я один имею». Мелочного Александра возмутило то, что Кутузов в объяснение оговаривался, что он не знал, что Яшвилем под присмотром, но что «по его разумению сей человек... может быть очень полезен». Характерный штрих для Александра: в выговоре Кутузову он подписывается «всегда благосклонный», в пометке же для Аракчеева это сопровождается припиской «какое нахальство».

Недаром императрица Мария Феодоровна позднее (1806) писала своему сыну: «Ужасные события Вашего царствования поколебали трон... Вы принуждены были почти целый год покоряться обстоятельствам». Но тут же Завалишин отметит в своих записках, что, по мнению некоторых, начальные действия Александра «легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнение и расположение, как вследствие обстоятельств, сопровождающих вступление его на престол, так и страхом, который наводили Наполеон и Франция, — страхом, заставлявшим и всех государей искать опоры и противодействия в привязанности народа — и возвышении их духа».

Плохо разбирался в условиях русской жизни Стон, писавший Пристлею об Александре: «Этот молодой человек почти с таким же макиавеллизмом выкрадывает деспотизм у своих подданных, с каким другие государи “выкрадывают” свободу у своих сограждан». Хорошо знавший Александра Чарторижский дал совсем другой отзыв, более близкий к реальной действительности: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление. Он любовался собой при внешнем виде либерального правления, потому что это льстило его тщеславию; но кроме форм к внешности, он ничего не хотел и ничуть не был расположен терпеть, чтобы они обратились в действительность, — одним словом, он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли одну только его волю». Аналогичные свидетельства мы имеем и у других современников. Этой чертой и следует объяснять «странное смешение философических поверий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия», которое отличало Александра и, по мнению Корфа, являлось результатом воспитания «не вполне царского, не вполне философического».

При самом вступлении на престол Александра «из некоторых его поступков, — записывает ген. Тучков, — виден был дух неограниченного самовластия, мщениия, злопамятности, недоверчивости, непостоянства в обещаниях и обманов». Этот дух действительно был замечен, что и дало повод А.И. Тургеневу говорить, что лучше деспотизм Павла, чем «деспотизм скрытый и переменчивый», какой был у императора Александра.

Республиканец на словах, Александр в то же время имел твердое представление о власти самодержавной, как об установлении божественном.

Как хороший актер, Александр умел это показывать в жестах, соответствующих позах. «Невзирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность в обращении, – записывает Михайловский-Данилевский, – у него вырывались по временам такие взгляды... иногда блистало у него во взорах нечто такое, которое явно говорило, что он помнит в эту минуту, что он рожден самодержцем». «Он был велик, – записывает лейб-медик Тарасов в 1820 г. – на троне Государь изволил стоять в обычной, ему исключительно одному принадлежащей, позе».

Александр «деспот в полном смысле слова», – говорит де Клемм, наблюдавший царя в Польше в 1818 г. – Он никогда ни на йоту не поступит своей самодержавной властью, несмотря на то, что он почти всегда собой владеет, всякий, бывший свидетелем, как когда он не следит за собой, во всех его чертах отражается черствость, жестокость, проявляющаяся в судорожных гримасах, – тот не ошибется в том, что он деспот...» Таким образом, французский пленный в 1812 г. Маркиз де Серан с полным правом мог характеризовать царскую власть того времени в таких чертах: «Государь России является настоящим собственником всего находящегося в стране; его воля – закон, и он никому не отдает в ней отчета: *sic volo, sic iubeo, sic pro ratione voluntas*».

Понятно, что при столь твердых и определенных самодержавных воззрениях в либеральных мероприятиях первых лет правления Александра не было «энтузиазма», как отмечает современник. Правда, отсутствие этого энтузиазма современник объясняет тем, что либеральные мысли Александра не были связаны с «диким или чудаческим представлением о свободе». Но естественнее предположить другое. Вспомним, что на практике либерализм Александра не выдержал самого элементарного экзамена на первых же порах. Сенату, как известно, в 1802 г. было дано право делать представления государю по поводу указов, несогласных с прочими узаконениями. Это право современники готовы были уже рассматривать «как ограничение самодержавной воли монарха». Но император в действительности на первых же порах «обнаружил полную нетерпимость к самому законному и умеренному проявлению самостоятельных взглядов» сенаторов. И когда сенат однажды воспользовался своим правом, он вызвал глубокий гнев Александра: «Я им дам себя знать». И было растолковано, что сенат вправе обсуждать лишь законы, изданные в предшествующие царствования, делать представления по поводу их отмены, но не должен касаться законоположений, изданных царствующим государем. А между тем только за год перед тем Александр говорил, что он не признает «на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала»; когда ему подносили для подписи «Указ нашему сенату», он восклицал: «Как нашему сенату! Сенат есть священное хранилище законов: он учрежден, чтобы нас просвещать», и своим восклицанием приводит в умиление корреспондента гр. Воронцова. Таков был Александр, когда эпитет «ангел во плоти» как будто бы был у всех на устах. Но играя в либерализм, Александр не сумел уловить тон господствующих настроений в дворянской среде, или, вернее, дворянство не осознало достаточно истинных политических и социальных чаяний молодого монарха. Естественно, что и политические консерваторы, и политические англоманы одинаково оказывались в числе неудовлетворенных и недовольных. Это недовольство очень скоро стало проявляться в общественных кругах. О петербургских «coteries» сообщается уже на следующий год по воцарении.

В изображении жившего в это время в Петербурге баварца Ольри, сообщения которого были опубликованы вел. кн. Ник. Мих., общественное неудовольствие носит характер даже заговорщических предположений. Ольри всю интригу приписывает участникам бывшего дворянского переворота. «Пален и Зубов, – пишет он 18 сентября 1802 г., – в качестве вожаков заговора поставили императору Александру как условие – ограничение верховной власти и довольно свободно произносили слово “конституция”». Эта дворянская олигархия потерпела фиаско. «Партия Зубова и Палена, – продолжает баварец, – отличается своей к

нему (Александру) ненавистью и не боится открыто называть его человеком ничтожным, неблагодарным и бесхарактерным. Если жизни его когда-нибудь будет грозить опасность, то несомненно эта опасность явится с этой стороны». Ссылаясь «на сведения из хорошего источника», Ольри свидетельствует, что партия Зубова начинает выдвигать вдовствующую императрицу: «в публике во множестве расточаются похвалы» по ее адресу. Наконец другие обращают свои взоры на императрицу царствующую. Общий вывод баварца таков: «Составляя гороскоп данного положения, я не считал бы слишком смелым высказать предположение, что этот кризис кончится или монархией аристократической, или же царствованием императрицы Елизаветы».

Несомненно, в изложении баварца все преувеличено. Но тем не менее нет дыма без огня. Александр не мог не знать о разговорах в обществе, и, быть может, этими слухами и надо объяснить резкость его по отношению к описанному инциденту с сенатом: партия во главе с канцлером Воронцовым, замечает Ольри, под предлогом восстановления первоначального значения сената замышляет просить ограничения императорской власти. Эти петербургские «coteries» усиливались с каждым годом, по мере того как внешняя политика Александра терпела крушение.

И, в сущности, в 1805 г. Александр уже восстановил Тайную экспедицию для наблюдения за вольномыслием, запрещенными сходбищами, вредными сочинениями, следит за матерью, женою и друзьями и т. д. Глубоко прав был Д.Н. Свербеев, заметивший, что Александр «вопреки всем прекрасным качествам сердца не оставлял без преследования ни одной грубой выходки крайнего либерализма и имел обыкновение отрезвлять иногда очень долгим заточением или ссылкой тех, которые считались противниками его верховной власти». Припомним хотя бы позднейшую печальную судьбу лифляндского дворянина Бока²⁰, заключенного за свою конституционную записку в 1818 г., направленную при письме Александру, в Шлиссельбургскую крепость и пробывшего там до конца дней Александра...

Александр был «слишком философ», как выразился Жозеф де Местр, чтобы заниматься черновой домашней работой, которая не сулила сделать его великим человеком. Александр мечтал о более широком поприще славы; в нем явно сказывалось, по словам Фонвизина, «притязание играть первенствующую роль в политической системе Европы, оспаривать первенство у Франции, возвеличенной счастливыми революционными войнами». В излишней самоуверенности Александр слишком торопился «играть роль в Европе». Он воображал себя великим полководцем. Но мог ли им быть тот, кто все воинское искусство видел в парадах, кто из всей военной тактики Наполеона заимствовал лишь эполеты тамбур-мажоров? Говорят, что Александр проявлял личную храбрость. Так, по крайней мере, свидетельствует Жозеф де Местр и позднее Шишков. Однако и эту черту приходится подвергнуть сомнению. Не придворный уже льстец, а заурядный полковник Карпов в своих записках по поводу прославляемой храбрости Александра при Фершампенуазе говорит, что император скакал «самым маленьким галопом почти на месте, осматриваясь назад, чтобы кто ни есть удержал его от сей чрезвычайной храбрости». И Александр сейчас же отъехал в безопасное место, когда ему какой-то офицер сказал, что его жизнь слишком дорога и нужна России.

Мания военщины побудила Александра проявить себя во что бы то ни стало в роли полководца. Пожалуй, не только мания военщины, а своеобразная черта в характере Александра, отмеченная де Кламом, – любовь «хвастаться больше всего тем именно качеством, которым не обладал». И в данном случае поистине «прирожденный дипломат» во что бы то ни стало хотел состязаться с полководцем «милостью Божьей» именно в области стратегии. За границей он любил говорить: «я ничего не понимаю в политике, я только солдат». Неда-

²⁰ «M. de Bock a perdu la raison», по словам Александра в письме к Паулуччи.

ром говорят, что от великого до смешного один шаг. Единственно, чего достиг Александр в этой области – это того, что кто-то при отзывах о военных талантах как-то поставил Александра выше Шварценберга, чем, однако, Александр крайне интересовался, как свидетельствует его фраза Вольцогену в 1815 г.: «Посмотрим, кто из нас двоих, я или Шварценберг, был великим полководцем в последних походах». Что делать, пришлось соревноваться с *dies minores*, раз военная слава Наполеона оказалась недостижимой. Завидовал Александр Шварценбергу, завидовал успехам Веллингтона. Таково было его мелкое честолюбие. Соперничество с Наполеоном на поприще брани на первых порах привело лишь к поражению Александра. Его боевая слава померкла, не успев расцвести, на полях Аустерлица, что весьма чувствительно отзывалось на самолюбии Александра.

Его стратегические таланты не только соотечественники не признавали, но «все были уверены, по словам Вигеля, что неудачи сопутствуют Александру и являются всегда, где он лично присутствует». И собственная его мать с надоедливостью пытается доказать сыну «неуместность» пребывания его в армии и советует «воздержаться от личного командования и всякого вмешательства в военные действия».

В то же время Александр знал о тех оппозиционных настроениях, о тех мнениях, которые вращались в обществе и о которых ему, между прочим, сообщала вдовствующая императрица в письме от 18 апреля 1806 г. Она констатирует, что недовольство существует и в столицах и в провинции. Публика, «не видя государя в ореоле славы, критикует вольно». Россия утратила свое влияние; еще одно проигранное сражение, и империя окажется в опасности. Россия утратила свое бывшее влияние в международной политике. «Кто знает, что в это время делается в Петербурге!» – сказал, по словам де Местра, кто-то из придворных после Аустерлица, и этого достаточно, чтобы Александр скакал в Петербург. А здесь, как сообщает Стединг, 28 сентября 1807 г. говорят даже о заговоре, о возведении на престол Екатерины Павловны. Конечно, все это были вздорные слухи, преувеличенные как и в 1802 г., но показывающие, однако, усиление непопулярности Александра.

Так, в ряде донесений за это время шведского посланника Стединга свидетельствуется о все увеличивающемся неудовольствии направлением политики Александра. «Видна оппозиция решительно против всего, что только делает император», – доносит французский атташе Савари. «Среди друзей императора, – замечает он, – нет никого, кто сумел бы исправить зло». В конце концов этот непрощенный друг нашелся, нашелся в Москве, где преимущественно создавалась дворянская оппозиция французскому направлению русской дипломатии. Александру в 1807 г. была подана записка, в резких чертах рисовавшая судьбу, уготованную стране, если только линия поведения не будет изменена. Мы не знаем автора этой записки. Был ли то Карамзин или, быть может, Ростопчин, авторству которого ранее она приписывалась, во всяком случае, как и материнские советы, она лишь уязвляла болезненное самолюбие русского монарха. Наступил последний час, говорила записка, который «остается для избежания ужасного, но неизбежного падения, которое угрожает отечеству и его главе, как и последнему из его подданных». «Только измена, – продолжал автор, – может стараться скрыть пропасть, разверстую под ногами Вашими». Автор считает необходимым привести «на память» Александру «лестные обещания», им «отечеству данные», и в то же время показать «плоды иных, им полученных».

Центральным пунктом нападения является иностранная политика – «имени Россиян посрамление». В действительности здесь дело шло не столько о посрамлении «имени Россиян», сколько о тех имущественных интересах, которые реально или мнимо затрагивались континентальной блокадой: так, она понижала курс рубля на 50 %; она затрагивала крупное поместное дворянство, как хлебопроизводителя. Историки еще спорят о влиянии континентальной блокады на хозяйственную жизнь страны. Для современников, однако, внешняя по крайней мере картина государственного благосостояния в то время вырисовывалась в крайне

неприятных красках. Торговый агент Лесепс, бывший в этот период в России, говорит о полном застое в торговле после Аустерлица, о царящем повсюду безденежье и на почве всего этого о всеобщем неудовольствии: «Уважение и любовь к монархам, которые народ сохранял с незапамятных времен, до такой степени ослабели, что надо опасаться всего: ропот стал уже явным, и открыто порицают поступки и поведение правительства». Лесепс рассказывает, что при возвращении Александра в Россию пришлось даже принять «смешные предосторожности» и подстроить «проявления поддельной радости» со стороны населения.

Что же, Александр в действительности подпал под влияние Наполеона и так легко согласился заменить свои мировые мечты положением «капрала французской армии», т. е. помогать в осуществлении мировой политики тому, которого в интимных беседах он называл не иначе как «*ce diable l'homme*»? Что же, Александр шел слепо на помочах у Наполеона, невзирая на общественное неудовольствие в России? Отнюдь нет.

Французский историк Вандаль так охарактеризовал значение Тильзита: это «искренняя попытка к кратковременному союзу на почве взаимного обольщения». Ну относительно искренности Александра приходится сомневаться. Когда Александр говорил Савари: «Ни к кому я не чувствовал такого предубеждения, как к нему (т. е. Наполеону), но после беседы... оно рассеялось, как сон», — то здесь сказывалось только то «в высшей степени рассчитанное притворство», о котором упоминает Коленкур и которое в области дипломатии у Александра доходило до виртуозности. В этом, по-видимому, солидарны все современники. «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это — истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый», — сказал Наполеон уже на о. св. Елены. «В политике, — писал шведский посол в Париже Лагербиелне, — Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская». «Искренний, как человек, Александр был изворотлив, как грек, в области политики» — таков отзыв Шатобриана. И, действительно, к международной дипломатии, где искренность всегда затушевана политическим расчетом, характер Александра I чрезвычайно подходил. И, быть может, он очень тонко вел свою линию от Тильзита до двенадцатого года.

Это была выжидательная неопределенность: «изменяться обстоятельства, можно изменить и политику». Пока же союз с Наполеоном был неизбежен; по крайней мере, для авторитетного положения Александра в европейских делах. Этим только и следует объяснять новую французскую политику Александра.

Он был ее яркий противник, как мы видели в первые годы царствования. Александр был царь «немецкого происхождения», как выразился Жозеф де Местр, и существенно расходился в воззрениях с помощником своим по дипломатии в первые годы кн. Чарторижским. Последнему очень скоро пришлось устраниваться. И как раз тогда как будто бы началась перемена, началась тогда, когда «тщеславное выказание своих сил» привело к краху.

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра,

— остроумно заметил Пушкин в своем известном шифрованном стихотворении.

Перед счастливой звездой Наполеона меркло взлелеянное в глубине души соперничество на мировую роль. Для Александра «*ce diable d'homme*», этот выскочка был ненавистен, тем более что ему, самодержавному монарху с челом, отмеченным Божественным Провидением, приходилось быть «смирным», приходилось скрывать до времени свои планы и прятать свое самолюбие. Но Александр никогда не мог простить Наполеону, «несмотря на все лобзания в Тильзите и Эрфурте», по выражению вел. кн. Ник. Мих., ответ Талейрана по

поводу протеста русского двора против убийства в 1804 г. гер. Ангиенского. В этом ответе напомнили, что при убийстве Павла никто из заговорщиков не был наказан. Таких намеков Александр действительно никогда не мог простить, ибо личный престиж для него был дороже всего. А между тем бестактность «ragvemu» на троне ставила Александра подчас в затруднительное положение. Таково было сватовство Наполеона к Анне Павловне. Как отказать тому, с кем в это время заигрывали? Мать писала о «позоре», которым бы покрыла себя царская семья, «высказав такую неустойчивость в принципах и убеждениях». Любимая сестра императора дает мудрый совет: сослаться на молодость, но сказать, что «императрица и император сочувствуют этому браку». Пока в Петербурге размышляли, Наполеон уже договорился по вопросу о женитьбе с австрийским двором. Дилемма разрешилась благополучно, но, в сущности, Александру наносился новый укол самолюбию: решение Наполеона было принято до получения ответа. Истинное отношение Александра к Наполеону необычайно ярко вылилось в одном восклицании в интимной записочке к Екатерине Павловне из Тильзита: «Moi, passer mes journees avec Bonaparte!» Но приходилось не только проводить дни и часы с Наполеоном, но любезничать с ним и обольщать своей внешней искренностью, «внушить, – по заявлению А.К. Дживелегова, – Наполеону уверенность, что под обаянием его величия готов преклониться перед мировым гением». Ему удалось это внушить, во всяком случае, во времена Тильзита и Эрфурта. Наполеон на о. Елены говорил: «Никто не поверит, какие споры происходили между нами. Он утверждал, что наследственность верховной власти есть зло, и мне в течение более часа пришлось употреблять все мое красноречие и пустить в ход всю мою логику для убеждения, что на этой наследственности зиждится спокойствие и благополучие народов». Любопытный спор самодержавного монарха от природы и монарха выскочки. «Впрочем, – должен был тут же заметить Наполеон, – быть может, он меня лишь дурачил, потому что он умен, притворчив и хитер». Стоит сопоставить эти беседы с одновременными записками к Екат. Павл., чтобы ответить, кто кого дурачил. Игра требовала тем более выдержки со стороны Александра, что окружающие, как утверждал впоследствии Наполеон, постоянно рассказывали Александру в Тильзите и Эрфурте о насмешках Наполеона за глаза. Самолюбивый Александр не терпел этих насмешек.

Сорель убежден, что уже в период Мемельского свидания у Александра вырисовывается план на счет гегемонии в Европе. Для этого надо сломить Наполеона. Поэтому он хлопочет так о привлечении в 1804 г. Англии к союзу против Франции, тратит столь много увлекательного пафоса для убеждения королевы Луизы, что борьба с Наполеоном единственный путь для Пруссии. Мирясь с Наполеоном, он с легкостью совершает вероломный акт по отношению к Пруссии, которую сам усиленно толкал на борьбу. Все это дипломатия, сознательная, тонкая и расчетливая. Королева Луиза, обратившаяся во время Эрфуртского свидания к Александру не поддаваться Наполеону, разделила в этом отношении судьбу многих близких Александру лиц, т. е. проявила непонимание и наивность. «Я заклинаю Вас, – писала она, – будьте осторожны с этим ловким обманщиком и прислушайтесь к моему голосу, который говорит только ради вас, ради вашей славы, которую я люблю, как свою собственную». Между тем «кукольный архангел» Пруссии, по выражению Сореля, шел очень определенно по тому пути к славе, который наметил себе.

Утверждая (в письме к Марии Фед. из Эрфурта 25 авг. 1808 г.), что «наши интересы последнего времени заставили нас заключить тесный союз с Францией» и «что мы сделаем все, чтобы доказать ей искренность (?) и благородство нашего образа действия», Северный Тальма²¹ намекает уже о возможном падении Наполеона, «если на то воля Провидения».

²¹ Так называл Александра Наполеон.

К этой борьбе надо готовиться: «Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot. Rira le mieux qui rira le dernier», – пишет все в ту же Эрфуртскую эпоху Александр Екатерине Павловне. Только этой подготовкой следует объяснить эпоху Сперанского, те либеральные начинания, о которых основательно Александр стал забывать с 1803 г., когда прекратились заседания так называемого негласного комитета.

Конечно, Александр никогда серьезно не думал осуществлять широкие замыслы Сперанского, весьма скептически относившегося к конституционным мечтаниям «на словах». Хотя Сперанский и говорит о своем проекте 1809 г., что он был «принят как руководящее начало действия и как неизменная норма всех предстоящих и желательных преобразований», однако в действительности Александр отнюдь не был склонен поступаться прерогативами монарха: «император хочет только полумеры» – по выражению Строганова в 1806 г. Александр жаловался впоследствии де Санглену: «Сперанский вовлек меня в глупость», т. е. не понял той игры, которую вел Александр в Тильзите и Эрфурте. Увлеченный Наполеоном, он думал, что и Александр находится под таким же обаянием. В этом и была «роковая ошибка» русского реформатора, за которую он поплатился немилостью императора. Понятно теперь, почему Александр так легко отступил от Сперанского. Полицейские агенты Меттерниха на Венском конгрессе подметили у Александра любовь «взваливать на других, когда не мог выполнить своих преувеличенных обещаний». Если Александр в действительности, по замечанию де Местра, «рассчитывал соединить неумолимый деспотизм с фиктивным конституционализмом, который воздвиг Наполеон на развалинах французской республики», то настойчивое и последовательное реформаторство Сперанского должно было лишь раздражать царя.

Александр нужны были лишь практические меры Сперанского, так сказать, минимальная реформа, которая придала бы некоторую хотя бы стройность «безобразному зданию империи». На опасность недоконченных мер указывала и оппозиция (письмо 1807 г.). В этих реформах была слишком осязательная потребность ввиду предвидения неизбежного столкновения России с Францией.

Не все обладали в достаточной степени этой политической прозорливостью, не все понимали и политику Александра, которая в своих конкретных проявлениях в связи с континентальной системой затрагивала материальные интересы господствующего класса. Первоначально имя Наполеона не вызывало в России «ненависти»; многие из политических консерваторов, как Карамзин, скорее готовы были его приветствовать за то, что он «умертвил чудовище революции». Но затем Наполеон сам делается «исчадием» революции, носителем революционных принципов. Для правящего дворянства все либеральные реформы являются также порождением революционного духа. Вот почему и Сперанский в консервативных кругах вызывал такое негодование. «Не знаю, – говорит Вигель, – разве только смерть лютого тирана могла бы произвести такую всеобщую радость», как падение Сперанского. Александр недостаточно учитывал первоначально оппозиционное дворянское настроение: он думал весельем в столицах парализовать «уныние», о котором говорили противники Наполеона. Ему не мог нравиться призыв московской оппозиции опереться на дворянство (в цитированной выше записке).

Александр боялся дворянства, так как ему неоднократно напоминали о дворцовых событиях 1801 г., напр. бестактная Мария Феодоровна.

Он никогда не забывал фразы в письме кн. Яшвиля: «Поймите, что для отчаяния есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели». В этом заключалась не только оценка заговора, удушившего Павла, но и намек на возможное всегда будущее.

Возжигая в дворянстве любовь по принуждению, Александр подумывал и о других, более сильно действующих, средствах для поддержания своего престижа. Аракчеев могуществен, «как никогда», – отмечает в 1806 г. гр. П.А. Строганов, тот, в личности которого как

бы олицетворялось «дней александровских прекрасное начало». Авторитет Аракчеева в это время и Жозеф де Местр объясняет исключительно только внутренним брожением в обществе: Александр захотел «поставить с собой рядом пугало пострашней». Поставить пугало, но сохранить насколько возможно свою либеральную популярность, т. е. переложить непопулярность на другого.

Александр относился подозрительно даже к патриотическому движению в дворянстве, что особенно ярко проявилось в период Отечественной войны²². Несмотря на эти опасения, Александр должен был последовать советам, которые давал ему Ростопчин еще в 1806 г.: возжечь в дворянстве «паки в сердцах любовь, совсем почти погасшую в несчастных происшествиях».

В действительности же либерализму была дана окончательная отставка.

Правда, в дипломатии либерализм как будто бы еще царит. Призывая Штейна в Россию в начале 1812 г., Александр пишет: «Решительные обстоятельства должны соединить... всех друзей человечества и либеральных идей... Дело идет... спасти их от варварства и рабства». Но ведь все это было лишь внешней прикрасой, как и все аналогичные заявления европейских правительств, говоривших о возвращении свободы, обещавших конституции «сообразно с желанием» народа. Это было одно из знамен для борьбы с Наполеоном, которым при известных случаях пользовался Александр. Совершенно так же самые заядлые крепостники, вроде гр. Ростопчина, в обращении к народным массам говорили о крестьянской свободе. В сущности говоря, и правительственные манифесты обещали эту свободу. Как иначе было бороться против наполеоновских прокламаций! Во всяком случае, в эту пору «решительный язык власти и барства более не годился и был опасен», как метко заметил ростовский городской голова Маракуев.

В период Отечественной войны Александр проявил большую твердость, удивившую отчасти и современников и историков. Это была эпоха «наибольшего развития его нравственной силы, — говорит Пыпин. — Обыкновенно нерешительный и переменчивый, не находивший в себе силы одолевать препятствия», Александр в это время «удивил своим твердым стремлением к раз положенной цели».

Эта твердость дает повод одному из историков Отечественной войны (К.А. Военскому) даже говорить, что «с мягкостью обращения император Александр соединил удивительную настойчивость и железную силу воли. В семейном кругу его называли кротким упрямым — *le doux entete*». Но упрямство и сила воли далеко не синонимы. Первая черта скорее признак слабохарактерности. Но обычное суждение о нерешительности Александра, о его уступчивости, как мы уже старались показать, действительно, может быть оспариваемо!²³ В Александре была большая доля упрямства²⁴, желания во что бы то ни стало настоять на своем. Это отметили еще воспитатели его ранней юности²⁵, а позднее шведский посланник Стединг: «Если его трудно было в чем-нибудь убедить, то еще труднее заставить отказаться от мысли, которая однажды в нем превозобладала!» И когда дело затрагивало его самолюбие, он был удивительно настойчив. История с военными поселениями может служить наилучшим показателем. Если Александр бросался из стороны в сторону, то это не потому, что он

²² Антипатия к дворянству проявлялась и позже: царь не любит аристократии, последняя отвечает ему той же монетой — доносит французский атташе при русском дворе гр. Ноалль в 1816 г.

²³ Уступчивость Александра — «психологический мираж» (Кизеветтер).

²⁴ Его упрямство проявлялось иногда в удивительных мелочах. Михайловский-Данилевский в доказательство твердости характера Александра рассказывает о таком случае. Однажды во время дороги император сказал Михайловскому, что он намерен ехать три или четыре станции, «не закрывая коляски и не выходя из оной», и сдержал свое слово, «невзирая ни на какую погоду, на ветер, дождь или бурю». Но неужели в этом заключается та сила воли, о которой говорит в своей записке гр. Эделинг?

²⁵ «Лишнее самолюбие, а оттого упорство во мнениях своих».

искренно верил последовательно то в прогресс, то в реакцию. Как у тонкого политика, у него все было построено на расчете, хотя, быть может, часто этот расчет и был ошибочен: жизнь народа, жизнь общества не укладывается в математические рамки. Жизнь подчас путает все расчеты. Да и можно ли учесть переменчивые общественные настроения, их силу или бессилие? Здесь ошибки неизбежны, сильный человек их сознает. Александр под влиянием обстоятельств менялся, но ошибок своих никогда не признавал.

Поэтому с некоторыми оговорками характеристика мировоззрения Александра, сделанная Меттернихом, правильна: ему «нужно было два года для развития мысли, которая на третий год получала характер некоторой системы, на четвертый менялась, а на пятый к ней охладевал и она оставлялась, как негодная». «Все в его голове было спутано; он хотел добра, но не знал, как за него взяться для осуществления», – писал Меттерних Лебцельтерну 2 янв. 1826 г. уже после кончины Благословенного.

В Отечественную войну Александр проявил большую настойчивость вопреки ожиданию многих из современников. Как рассказывает Сегюр в своих воспоминаниях, после взятия Москвы «Наполеон надеялся на податливость своего противника, и сами русские боялись того». Этой твердости также удивляется и Греч. Ведь за окончание войны возвысились весьма авторитетные голоса: Мария Феодоровна, великий князь Константин, Аракчеев, Румянцев. И только Елизавета Алексеевна и Екатерина Павловна были решительными противницами мира²⁶. «Полубогиня тверская», как именовал Карамзин Екатерину Павловну, действительно, по-видимому, отличалась большой и неутомимой энергией; к тому же это была женщина, искренно ненавидевшая все то, что отзывалось революцией. Елизавета Алексеевна – «лучезарный ангел», по характеристике того же Карамзина, в свою очередь, проявила энергию в ночь с 13–14 марта 1801 года. По родственным связям она должна была ненавидеть Наполеона. Что же, Александр поддался влиянию женщин? О нет! Для него борьба с Наполеоном была делом личного самолюбия, в жертву которому он готов был принести многое.

«Наполеон или я, – сказал Александр Мишо, явившемуся к нему с донесением Кутузова после Бородина. – Я или он, но вместе мы не можем царствовать; я научился понимать его, он более не обманет меня». Понятно, почему все предложения о мире со стороны Наполеона оставались без ответа. Александр чувствовал свою силу. И не нужно было вовсе Ростопчину лезть с непрошеным советом: «О мире ни слова: то было бы смертным приговором для нас (т. е. дворян) и для вас» (письмо 13 сент.). Непрошенные советы лишь раздражали уверенного в себе соперника Наполеона.

«Среди этой борьбы, – доносил в 1812 г. сардинский посланник де Местр, – я люблюсь императором. Он принес великие жертвы, превозмог страшные затруднения и с большим искусством примирил страсти самые непримиримые. Я не сомневаюсь, что ему пришлось делать многое против своих склонностей и убеждений, но меня именно это и восхищает». Главная жертва, которую должен был принести Александр на алтарь Отечества, заключалась в том, что он обстоятельствами вынужден был отказаться от роли полководца и передать военную славу другим. Как не хотел он этого делать по отношению к Кутузову! И как он не любил Кутузова и Ростопчина, которым именно вынужден был предоставить играть первые роли в период Отечественной войны: первому, удовлетворяя общественное мнение – «с'etait le cris general», – писал Александр сестре Екатерине; второму, делая уступки оппозиционному дворянству. Про Кутузова он сказал гр. Комаровскому: «Общество желало его назначения, и я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки». Александра более всего задевали настойчивые советы родни не вмешиваться в военные распоряжения, эти убеждения, что даже его присутствие в армии портит дело, что армия не имеет к нему доверия, как

²⁶ Противниками являлись и Багратион с Ростопчиным – оба неавторитетные для Александра лица.

к военачальнику и т. д.²⁷ С обычной для себя рисовкой, так сказать, кокетничая несколько с самим собою, Александр высказал свое затаенное желание довольно определенно в разговоре с гр. Эделинг. Собеседница впоследствии так воспроизводила эту беседу: «Мне жаль только, – говорил Александр, – что я не могу, как бы желал, соответствовать преданности этого удивительного народа. Этому народу нужен вождь, способный вести его к победе, а я, по несчастью, не имею для того ни опытности, ни нужных дарований. Моя молодость протекла в тени двора; если бы меня тогда же отдали к Суворову или Румянцеву, они меня научили бы воевать и, может быть, я сумел бы предотвратить бедствия, которые теперь нам угрожают»...

«Ваши подданные знают вам цену, – возражает Эделинг, – и ставят вас во сто крат выше Наполеона и всех героев своих». «Мне приятно этому верить, потому что вы это говорите, но у меня нет качеств, необходимых для того, чтобы исполнять, как бы я желал, должность, которую занимаю».

Таково было оправдание перед женщиной неудачливого полководца. Конечно, бальзам на душу Александра в виде комплимента женщины не мог в действительности залечить рану, нанесенную самолюбию.

Соперничество с Наполеоном заставило Александра быть столь же твердым в решении продолжить борьбу за границей и, воспользовавшись благоприятным моментом, сломить могущество Наполеона.

Александр охотно отзывался на призывы Штейна быть освободителем Европы. Прусский патриот, как мы уже знаем, верил в искренность либерализма Александра. «Пусть не удастся низости и пошлости, – писал он в начале 1814 г., – задержать его полет и помешать Европе воспользоваться во всем объеме тем счастьем, какое предлагает ей Провидение». И как бы следуя Штейну, Пыпин доказывал, что энергию Александра данного времени нельзя объяснить тем, что «борьба с Наполеоном, решение судьбы Европы представляли деятельность, увлекавшую его тщеславие и честолюбие»; энергия Александра была возбуждена тем, что «на этот раз он был вполне убежден в своем предприятии, в его необходимости и благотворности для человечества, а также тем, что на этот раз его деятельность находила полную, безусловную опору в голосе нации... К этому присоединился еще новый возбуждающий элемент, не действовавший прежде – элемент религиозный».

Конечно, в период Отечественной войны Александр находил «безусловную опору в голосе нации». Но заграничные походы были популярны только в некоторых либеральных кругах, еще не разочаровавшихся в Александре и окрашивавших всю его деятельность в розовый цвет: «Александра другого нет в веках, – писал кн. Петр Вяземский Ал. Тургеневу в апреле 1814 г. по поводу взятия Парижа. – Роль его прекрасная и беспримерная. Цель его побед – завоевание свободы и счастья царей и царств: история нам ничего прекраснее, славнее и бескорыстнее не представляет». В придворной среде они вызывали не меньшее возмущение, чем нежелание Александра заключить мир после занятия Москвы Наполеоном. Прежде всего, «война 1812 г. принесла России более бесславия, нежели славы», как записал Погодин в своем дневнике в 1820 г. «Поход 1812 г., – писал Ростопчин Александру 24 сентября 1813 г., – охладил воинственный пыл генералов, офицеров и солдат». Старец Шишков очень боялся, что в более благоприятных условиях вновь разовьется военный гений Наполеона и Россия потерпит поражение. Фанатик реакции, Ростопчин, пессимистически смотревший на будущее («трудно ныне царствовать: народ узнал силу и употребляет во зло вольность», – писал он Брокеру в 1817 г.), только и думавший о борьбе с так называемым внутренним врагом, считал, что Наполеон уже «ускользнул» и что следует «подумать о мерах борьбы внутри государства с врагами вашими и отечества», как сообщал он Александру

²⁷ См. переписку с Екатериной Павловной.

14 декабря 1812 г. Не хотел этой новой борьбы и Кутузов, видевший в Наполеоне как бы противовес против Австрии и Пруссии. Но для Александра заграничные походы открывали широкую арену для деятельности, для популярности, для влияния на Европу, чего он так давно добивался. И одна невольно вырвавшаяся у него фраза как нельзя отчетливее передает чувства Александра, когда он сделался победителем и в то же время освободителем Европы. Когда А.П. Ермолов поздравил Александра с победой при Фершампенуазе, император ответил торжественным тоном: «От всей души принимаю ваше поздравление, двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком; посмотрим, что она заговорит теперь». Самолюбивый Александр страдал оттого, что его могли считать посредственным человеком, а низвергнутого им соперника – гением. Что Александра многие считали таковым²⁸, показывает отзыв Наполеона, писавшего после Тильзита Жозефине: Александр «гораздо умнее, чем думают»... Александр в этом отношении мог бы считать себя удовлетворенным, если бы знал, что Наполеон на о. Елены, оценивая свои отношения к русскому царю, заявлял в конце концов: «Если мне суждено умереть здесь, то он по праву будет моим преемником в Европе». Недаром по поводу анонимной книги, появившейся в Англии в 1817 г., «*Manuscrit venu de Ste Helene d'une maniere inconnue*», Меттерних замечал в письме к Лебцельтерну: Александр будет доволен, он поставлен в ней высоко. «Мир слишком долго был занят колоссом, который грозил всеобщему существованию; теперь, когда он уничтожен, взор обращается к другому колоссу», – писал австриец Лебцельтерн. Этим другим колоссом становился соперник Наполеона. Силою вещей макиавеллизм победил стратегию. Мечты начинали воплощаться в реальную форму. «Европа говорит только об Александре», – писал Вяземский Тургеневу. И Александр мог с гордостью и торжеством продолжать свое европейское шествие. «Наше вхождение в Париж, – сообщал Александр Голицыну, – было великолепным... Все спешило обнимать мои колена, все стремилось прикоснуться ко мне; народ бросался целовать мои руки, ноги; хватались даже за стремяна, оглашали воздух радостным криком». Как радостно должен был себя чувствовать русский император, въезжая в Париж в ореоле блеска и славы на сером коне, когда-то подаренном ему Наполеоном! «Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге; меня считали за простачка», – самодовольно бросит тому же Ермолову великий человек и тем самым проявит и свои истинные вожелания и свою неглубокую натуру. В мелочах подчас познается истина.

Александр ищет до смешного этой популярности. Готов сам подчас навязаться. Незначительный, но характерный эпизод рассказывает де ла Гард в своих воспоминаниях о Венском конгрессе. Дело происходит в венском Пратере. Императоров окружает толпа. Александр видит, что какой-то крестьянин усиленно работает локтями, чтобы пролезть вперед. Любезный и обходительный русский царь сам подходит к этому месту со словами: «Милый друг! вы, вероятно, хотите видеть русского императора; смотрите на меня, расскажите потом, что вы с ним говорили...»

И хоть война с Францией могла быть окончена без занятия Парижа, на что и склонялись союзники, Александр не мог отказаться от въезда в Париж. «русский император, – замечает английский министр иностранных дел Кесльри, – кажется, только ищет случая вступить во главе своей блестящей армии в Париж, по всей вероятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушие опустошению собственной столицы»²⁹.

²⁸ См., напр., отзыв Фарнгагена (1822): «Ум совершенно посредственный».

²⁹ Между русскими и так называемыми всеобщими историками существует разногласие по вопросу о том, кому принадлежит план итти на Париж. Русская военная историческая школа утверждает, что идея эта разработана в русском штабе. Западная историография приписывает инициативу Шварценбергу – эта инициатива спасла положение союзников и погубила Наполеона. Для нас в данном случае важно то, что Александр был горячим сторонником движения на Париж. Мотивы, вероятно, были более сложны, чем то рисовалось Кесльри.

В последнюю стадию борьбы с Наполеоном Александр также был одним из наиболее настойчивых и последовательных его противников. Вовсе не потому, что Европа, «упадая перед ним (Александром) на колени и с воздетыми к небу руками, молит его быть ее спасителем», как казалось наивным представителям александровского времени, братьям Глинкам. Александр готов был «положить меч свой», только низвергнув Наполеона, только разрешив дилемму, вставшую перед ним задолго до 1812 года: «Наполеон или я». Образ Наполеона, только один он стоял перед ним. Его самолюбивая политика вовсе не была дальновидной и, конечно, велась не в интересах русского государства, как целого. В одном из позднейших писем Гнейзенау к Чернышеву (1831) можно, пожалуй, найти разгадку и прусской политики Александра, очень в сущности далекой от рыцарского чувства к королеве Луизе: «Если бы император Александр, – писал Гнейзенау, – по отступлении Наполеона из России не последовал завоевателя, вторгнувшегося в его государство; если бы он не продолжал войны; если бы он удовольствовался заключением с ним мира, то Пруссия находилась бы по сейчас под влиянием Франции, и Австрия не ополчилась бы против нее. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеон был бы еще жив и один Бог знает, как он возместил бы на других те невзгоды, какие ему пришлось вынести у вас. Вашему союзу мы обязаны настоящей нашей независимостью».

На словах Александр так часто выказывает себя чрезвычайно скромным. Это побудило даже, по словам Глинки, Моро воскликнуть в Праге: «Государь, вам одно вредит – собственная ваша скромность». В действительности здесь опять только поза Александра; по замечанию де Клама, он «притворно приписывает себе и России ничтожную роль». Мечты его распространяются на весь мир. Он желает мира только во имя собственных интересов, во имя личной славы: «От него должны исходить покой и счастье мира, и вся Европа должна молча признать, что это его дело».

Поэтому, то Александр так раздражался в Европе, когда встречал противодействие в дипломатических планах других держав. И он готов был принять даже позу, что он «друг в несчастье» Наполеона. Он подчеркнуто в Париже будет посещать Жозефину и Гортензию, будет кокетничать, определенно лгать Колленкуру, обвораживать Нея и Макдональда, говоря, что будет поддерживать идею регентства с Марией-Луизой во главе. Но как ни антипатичен был лично представитель Бурбонской династии Александру, вся его игра с наполеоновскими приспешниками была лишь ловким шахматным ходом³⁰.

³⁰ Личное самолюбие для Александра всегда стояло на первом плане. Александр был крайне оскорблен, что Людовик XVIII не оказал ему достаточного почтения, как спасителю трона. И только после Фонтенебло, когда вырисовалась опасность, что восторжествует вновь его соперник Наполеон, Александр сделался сторонником Бурбонов.

II

Какую же сыграл роль другой привходящий элемент, религиозный, в деятельности Александра? В юности у Александра была одна только религия – религия «естественного разума». После Отечественной войны он явно делается пиетистом и мистиком – он все делает для Христова царствования, им руководит только Промысел Божий (из письма к Кошелеву). Так на него повлиял вихрь пережитых событий; в 1814 г. из-за границы он «привез домой седые волосы». «Пожар Москвы, – говорил Александр в беседе с немецким пастором Эйлером 20 сентября 1818 г., – просветил мою душу, а суд Господень на снеговых полях наполнил мое сердце такой жаркой верой, какой я до сих пор никогда не испытывал... Теперь я познал Бога... Я понял и понимаю Его волю и Его законы. Во мне созрело и окрепло решение посвятить себя и свое царствование прославлению Его. С тех пор я стал другим человеком». Мистическому настроению легко увлечь в свои недра. Мистики разного типа заполняют внимание Александра. В их туманных, а подчас бредовых идеях черпается вся мудрость жизни. Александр в Карлсруэ при посещении баденского герцога поучается у самого Штиллинга – этого оракула западноевропейского мистицизма и такого же непреложного авторитета русских мистиков.

В полуночных беседах с баронессой Крюденер Александр является в виде кающегося грешника, сокрушающегося о прошлой жизни и прошлых заблуждениях. «Крюденер, – говорит Александр, – подняла предо мною завесу прошедшего и представила жизнь мою со всеми заблуждениями тщеславия и суетной гордости». Он часами беседует с религиозными энтузиастами квакерами-филантропами Алленом и Грелье, прочувственно плачет, когда ему говорят об ответственности, лежащей на нем, на коленях целует руки вдохновенным проповедникам и в глубоком, торжественном молчании, длящемся несколько минут, ожидает «божественного осенения»: это молчание, вспоминал потом Аллен, «было точно восседание на небеси во Иисусе Христе». Иисус Христос присутствует незримо и во время обеда Александра с Меттернихом и Крюденер – для Иисуса накрывается даже особый четвертый прибор (воспоминания Баранта). Точно так же Александр покровительствует и татаринским радениям: его сердце «пламенеет любовью к Спасителю», когда он читает письма вице-президента Библейского общества, обер-гофмейстера Р.А. Кошелева по поводу кружка Татаринской, платить которой 8000 р. в год Александр получает распоряжение «на молитве». Он обращается ко всякого рода пророкам и пророчицам, чтобы узнать намерения Провидения: юродивый музыкант Никитушка Федоров, вызванный к Александру, как пророк, награждается даже чином XIV класса и т. д. Из подобных бесед, из библейских выписок, сделанных Шишковым в Германии применительно к современным политическим событиям из глав пророка Даниила, Александр черпает идеи Священного союза и убеждается, что он – избранное орудие Божества. Как Наполеон послужил бичом Божиим для выполнения великого дела Провидения, так и Александру предназначена великая миссия освобождения Европы от влияния «грязной и проклятой» Франции (Михайловский-Данилевский). Можно ли здесь заподозрить какую-либо неискренность? Тенета мистицизма и ханжества очень цепки, но нельзя забывать и того, что новая идеология, обосновывающая европейскую политику Александра, чрезвычайно гармонировала с его старыми мечтами. Серьезно ли было влияние Крюденер на Александра? Быть может, глубоко прав был один из первых биографов г-жи Крюденер, сказавший: «Очень вероятно, что Александр делал вид, что принимает поучения г-жи Крюденер, для того, чтобы думали, что он предан мечтаниям, которые стоят квадратуры круга и философского камня, и из-за них не видели его честолюбия и глубокого макиавеллизма». Александр любил выслушивать пророчества и тонкую лесть Крюденер и ей подобных оракулов. «Чей образ должен стоять перед глазами каждого христианина, как не образ Алек-

сандра Освободителя», – восклицал Штелинг. «О, какое счастье для русских иметь христианина монархом», – вторит Крюденер. «Я ничего не хочу, кроме Вашей славы». . . «Моя жизнь посвящена Вам, и я Вас прославляю среди народов и государств как Божьего избранника».

Но Александр очень не любил, когда эти пророки реально вмешивались в область дипломатии. И когда Крюденер, окруженная славой, явилась в петербургские салоны и попробовала вмешаться в неподлежащую ей сферу, слишком назойливо уже выставляя свои заслуги и свое пророческое положение: «мой голос Вас призывает» – Александр сначала учредил за ней негласный надзор, а затем и выслал ее из Петербурга³¹. И любопытно, что и в данном случае все попытки Крюденер в течение двух месяцев, как она свидетельствует в большом письме к Александру 2 мая 1822 г., увидаться с ним и объясниться были тщетны. Конечно, и письмо с напоминанием о старых обещаниях, о великих пророческих талантах осталось без последствия. Письмо достигло скорее противоположного результата, так как Александр не любил упреков за нарушение даваемых им обещаний.

Не надо забывать и того, что новые религиозные идеи дали новое освещение и Отечественной войне³². Наполеона победила природа. Войдя в Россию, предсказывал Шишков, Наполеон «затворился в гробе, из которого не выйдет жив». Это слишком простое объяснение потрясающим событиям, только что пережитым, казалось уже неудовлетворительным для современников. Надо было найти более глубокий смысл. Если прежде Отечественная война выставлялась, как борьба за свободу, то ее теперь готовы рассматривать в соответствии с новыми мистическими настроениями, как тяжелое испытание, ниспосланное судьбой за грехи. Суд Божий произошел на снеговых полях. . . Современное дело выше сил человеческих. Здесь явлен «Промысел Божий». Новое объяснение упрощенно разрешало целый ряд сложных обязательств, ложившихся на правительство. Истинным героем отечественной войны был русский крестьянин. . . Его надо было вознаградить. Только одну награду ждали – освобождения от рабских цепей. Но если отечественная война наслана была Провидением, кто из смертных может воздать должное народу, который Сам Бог избрал орудием мщения! Русский народ совершил великую миссианскую задачу. Он должен гордиться тем, что Бог избрал его «совершить великое дело», и, не предаваясь гордости, смиренно благодарить «Того, Кто изливал на нас толикие щедроты». «Кто, кроме Бога, кто из владык земных и что может ему воздать? Награда ему – дела его, которым свидетели небо и земля», – гласил манифест 1 января 1816 г. «Не нам, не нам, Господи, а имени Твоему» – вот эпилог войны. И в виде утешения в горестях народу дана была Библия.

Обоснование международной и внутренней политики на христианских началах, вступление России на «новый политический путь – апокалипсический», как метко выразился Шильдер, влекло за собой реакцию во всех сферах общественного и государственного уклада. Мрачная реакция, реакция без поворотов, без отступлений, без колебаний и характеризует вторую половину царствования императора Александра. Скоро мистицизм был, в свою очередь, заподозрен в революционизме. Мистицизм сменила реакция ортодоксальная, и просветов, которые отмечали «дней alexandrovых прекрасное начало», уже не повторялось.

Александр разочаровался, говорят, в своих прежних политических идеалах. Реформаторские неудачи вызывают раздражение, скептическое отношение ко всему русскому, нравственное уныние завлекает Александра в тенёта ухищренного мистицизма. Россия оказалась неподготовленной к осуществлению благожелательных начинаний императора, и он охладевает к задачам внутренней политики. Он «удаляется от дел». Но в это обычное представление

³¹ Крюденер агитировала в пользу восставших греков. Но она не понимала, что политика для Александра куда выше христианской морали. И Александр никогда не согласился бы на вмешательство, потому что прежде всего опасался быть в союзе с радикалами Европы (Меттерних Лебцельтерну 6 окт. 1821 г.).

³² См. ниже: «Правительство и общество после войны».

надо прежде всего внести один существенный корректив. Может быть, некоторым из современников и казалось, что Александр, возненавидевший Россию (Якушкин), удалился от дел. Европа и мрачная непрезентабельная фигура временщика Аракчеева закрывали собой Александра.

В действительности, однако, как неопровержимо теперь уже выяснено, в период реакции и охлаждения к делам Александр следил за всеми мелочами внутреннего управления. Дела Комитета министров не оставляют никакого сомнения в этом. Если различные мемуары Государственного совета и Комитета министров нередко и валялись долгое время под императорским столом в особых «чемоданчиках» в «ожидании царского взгляда», то причина этого была в ином: припомним, как записка Анштета по польскому вопросу должна была стучаться перед гусарским мундиром, который заполнил помыслы императора в те дни, когда должна была быть представлена записка. Солдатчина и форма всегда у него на первом плане. Отступление от установленного само по себе есть уже проявление революционного духа. Царь пишет личное письмо М.С. Воронцову 2 мая 1824 г.: «Я имею сведения, что в Одессу стекаются из разных мест и в особенности из польских губерний и даже из военнослужащих без позволения своего начальства. Многие такие лица, как с намерением или по своему легкомыслию, занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние». Наряду с вопросом о толках политических Александра будет занимать и вопрос о том, что «военные чины не наблюдают предписанной формы в одежде». Узнав в Лайбахе, что полк. Корсаков позволил себе растегнуться на балу в дворце, он пишет Милорадовичу об этом, – добавляя, что «чинопочитание» надо особенно соблюдать в «нынешние превратные времена» и что Корсаков замечен «вольнодумством» в происшествии Семеновского полка.

Аракчеев, которого любили выставлять каким-то злым гением второй половины царствования Александра, был лишь верным исполнителем велений своего шефа. Аракчееву приписывали инициативу и военных поселений, но несомненно, что творцом этого неудачного детища александровского царствования, вызывавшего наибольшую ненависть и оппозицию в обществе и народе, был сам император. Мы знаем также, что многие из знаменитых аракчеевских приказов правились самим Александром, некоторые из черновиков написаны его рукою (свидетельство П.А. Клейнмихеля). Таким образом Александр сознательно скрывался за Аракчеева, как бы возлагая на него всю ответственность перед обществом за ход государственной жизни и тем самым перекалывая на «злодея»-временщика свою непопулярность. Это, как мы видели, отметил еще де Местр. На это жаловался подчас сам Аракчеев, напр., в 1812 г., когда он был назначен быть в армии «без дела, без пользы; а только пугалом мирским». А популярность Александра с каждым годом падала. Росла оппозиция – оппозиция не консервативно-дворянского характера, а прогрессивная. В этом отношении Александр не учел той роли, которую могли иметь заграничные походы, так называемая освободительная война. Ответом на оппозицию была реакция; в ответ на реакцию усиливалось оппозиционное настроение с революционным оттенком. Это типичное историческое явление не миновало России. Отсюда понятны и раздражение и скептицизм Александра.

В Западной Европе «мирно-религиозная» идиллия Священного союза с ее заветами христианской морали приводила к тем же результатам – к воплощению в жизни меттерниховской «системы». Но там для Александра была привлекательна лишь авторитетная роль, которую он играл на конгрессах, как освободитель Европы, как самый могущественный европейский государь, как самый надежный оплот престолов и монархических принципов. Ему льстило внимание, которое ему уделяли монархи и избранные члены европейского общества. Там его самодержавной власти непосредственно не угрожали никакие потрясения, там он был в стороне от той неурядицы, от того хаоса, который охватывает Россию в последние годы царствования Александра. Там все для него облекается в радостный «вид»,

и он не видит «только разорение», не слышит только одни «жалобы». Для Михайлфо на самом деле это для Александра психологически совершенно естественно. Отечественная война выставлялась как народная и таким образом фигура Александра тем самым заслонялась. В эпоху наполеоновского нашествия не Александр играл первую роль. Не то было в походах 1813–1814 гг. Отсюда и вытекал тот преимущественный интерес, который удивлял современника-мемуариста. В России, рассказывает Михайловский-Данилевский, Александр «редко во время путешествия входил в разговоры о нуждах жителей», за границей он охотно «посещал дома поселян». За границей Александр иногда не прочь надеть и либеральную тогу, которая ни к чему не обязывала. Меттерних в общественном мнении выставлял Александра истинным вдохновителем реакции, и Александр, как бы в ответ, на Ахенском конгрессе в 1818 г. выскажет мудрую мысль, что правительства, став во главе общественного движения, должны проводить либеральные идеи в жизнь. Добрый «угодник Запада» вовсе не хотел слыть в Европе за реакционера. Он чрезвычайно интересовался, по словам Греча, что говорят о нем в салоне Сталь, как отзывается о нем Шатобриан и др.

Он сумеет сделать свой обычный красивый жест в Париже в 1814 г. при виде знаменитого польского патриота Косцюшко: «Дорогу, дорогу, вот великий человек».

Личная переписка Александра с Аракчеевым дает обильный материал для характеристики мелочной политической подозрительности благословенного монарха. Он пишет, напр., Аракчееву 4 марта 1824 г.: прикажи «обратить бдительное внимание на приезжающих из Петербурга в ваш край». Оказывается, что также бдительно за всем, что «относится до наших военных поселений», смотрит сам Александр: «глаза мои ныне прилежно просматривают записи о проезжающих». Он усмотрел, что в Руссу проехал ген.-м. Воронов и некоторые другие. В числе их некий полк. Аклечеев, замеченный между «либералистами» во время происшествий Семеновских. Это и послужило поводом напомнить Аракчееву о необходимости бдить. «Может быть, – добавляет Александр, – они поехали и по своим делам, но в нынешнем веке осторожность не бесполезна», ибо, – добавляет Александр через несколько дней по поводу допроса одного арестованного крестьянина, – «петербургская работа кроется около наших поселений», но «на настоящий след мы еще не попали».

Александр не ошибался, что деятели тайных обществ рассчитывали на неудовольствие военных поселян. Но напрасно думать, что именно в последние годы началась бдительность Александра, когда Аракчеев становится единственным реальным советчиком царя, уже один Аракчеев удостоивается приглашения обедать вдвоем с Александром. И в эти годы дело было не во влиянии каждодневного Аракчеева. Из Троппау Александр предписывает Васильчикову усилить «бдительное наблюдение за подозрительными лицами». Хотя он и писал тут же, что «Dieu fera le reste», однако Бога в действительности заменяла полицейская палка. До Семеновской истории, узнав о каком то случае в театре, показавшемся императору неблагонадежным, последний предписывает Аракчееву из Ахена (24 октября 1818 г.) наблюдать за актерами и «при первой дерзости» с их стороны арестовать и посадить в смиренный дом; «я предпочитаю иметь дурной спектакль, нежели хороший, но составленный из наглецов. В России они терпимы не должны быть».

Таким образом, русский император был не только своим собственным министром, но и своим собственным полицмейстером. Пожалуй, подчас и своим собственным цензором задолго до той поры, как усталый удалился якобы от дел, предоставив управление своему доверенному временщику. Так было еще в 1812 г., когда суровая цензура, исключавшая все неблагоприятное для русской армии, руководилась непосредственно Александром. На Аракчеева долгое время возводился незаслуженный поклеп, что он, руководя военной цензурой, скрывал правду от своего шефа. Так было якобы, напр., с донесением Кутузова о Бородинской битве, что и дало повод Александру писать своей сестре Екатерине Павловне, с которой находился в интимной, откровенной переписке, о победе. Теперь, однако, доказано, что

все поправки, все пропуски в официальной реляции сделаны непосредственно рукою Александра. Как, однако, это показательно для искренности Александра, обманывавшего свою сестру даже в личной, интимной переписке!

Он внимательно будет выслушивать мечтательные планы энтузиаста Овэна, признавать всю их важность, будет соглашаться с квакерами, что царство Христа есть царство справедливости и мира, что союзные государи должны руководиться правилами христианской морали, «если кто тебя ударит по щеке, подставь ему другую!», быть отцами своих подданных, будет говорить против рабства, возмущаться в парижских салонах торговлей неграми, а когда речь пойдет о крепостном праве в России, скажет: «С Божьей помощью оно прекратится еще в мое управление».

Иногда в России он намекнет на возможность установления «законосвободных учреждений». Он будет в 1811 г. говорить Армфельду, что конституционные порядки в Финляндии ему гораздо более по душе, чем самовластие, – и такое убеждение не помешало ему не собирать финляндского сейма. Он то же скажет и при открытии польского сейма в 1818 г. Тогда же Новосильцев, по его поручению, будет составлять свою «уставную грамоту». Любовь к «конституционным учреждениям» будет фигурировать в беседе с Лафероне даже еще на конгрессе в Тропау, а в 1825 г. с Карамзиным, этим «республиканцем в душе». Лафероне он будет утверждать даже, что дал бы России конституцию, если бы не надо было «сдерживать революцию». Он будет утверждать, что жил и умрет республиканцем, – и особенно будет это делать в дамском обществе, что наименее обязывает. «Я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекла», – будто говорит он кн. М.Г. Голицыной. «Государь! Вы все можете сделать», – скажет ему некая помещица в Перми в 1824 г. «Не могу, – ответил государь, – законы не позволяют». «Законы во власти царя». – «Нет, сударыня, законы выше царей».

Диалог записан в воспоминаниях Свиязева.

Каждому преподносится при случае кушанье в его вкусе. Конституционалистам он будет говорить в 1817 г., что «государь должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические силы будут ему позволять это; после этого он должен удалиться». Людям типа А.Ф. Орлова, будущего шефа жандармов при Николае I, он скажет иное по поводу восстания в Неаполе, результатом которого является конституция; в его присутствии он будет удивляться, как может неограниченный государь по собственному добровольному почину давать конституцию, связывающую его свободу воли.

Таким образом, все эти либеральные фразы были одной из тех многочисленных поз, которые, в конце концов, повергали в полное недоумение современников: что же, Александр говорит «от души или с умыслом дурачит свет?» Это одна из черт того арлекинства, которое отметил Пушкин. В устах самодержавного монарха республиканские идеи были красивы и эстетичны. Напоминания о них в период реакционных вакханалий мистицизма и арачьевской военщины будили надежды, привлекали сердца прогрессивных слоев общества, мечтавших о реформе. «Возложите надежды на будущее», – говорил Александр Парроту при посещении Дерпта, когда гуманный профессор говорил о необходимости великодушных преобразований, о необходимости призвать к общественной жизни «несчастный народ, пользующийся только призрачным существованием». «Я думаю об этом, я работаю над этим и надеюсь осуществить это дело», – отвечал Александр. Александр занимался либерализмом, как «игрушкой детства», по замечанию Чарторижского.

Можно было бы поверить искренности Александра, если противоречия между «мудрым словом» и «поступками», чему так удивлялся Паррот, не проходили бы красной нитью через все дни жизни этого «благожелательного неудачника на троне»; если бы эти противоречия не касались бы тех областей, где элементарная справедливость должна была бы поднимать свой голос. Неужели можно поверить наивности, проявленной Александром в 1820 г.,

когда в Государственном совете шли прения о непродаже крестьян без земли и когда Александр высказал убеждение, что «в его государстве уже двадцать лет не продают людей порознь». Эта наивность удивила даже Кочубея. Высказанное императором убеждение не помешало, однако, Государственному совету отвергнуть внесенный законопроект. Благожелательность Александра, таким образом, разбилась о дворянскую косность. Но не слишком ли большую роль придают этой дворянской оппозиции? Александр был всегда противник рабства на словах, «всем сердцем желал уничтожить в России крепостное право». «Император неоднократно выражал желание отменить крепостное право, – писал Ольри, – но это желание подавлялось тотчас, как возникало, ибо не к этому стремится дворянская партия». Штарк показывал французу Дюмону в 1803 г. личное письмо Александра своему дяде герцу Вюртембергскому с отказом дарить поселенные имения. Но дело в том, что в вопросе о крепостном праве дальше обычных словесных желаний дело не шло у Александра. Он освободил бы крестьян ценою собственной жизни, «если образованность была бы более высокой степени». Так говорил Александр Савари в 1807 г. Итак, опять независимые обстоятельства, которые Александр не сумел преодолеть.

Нерешительность Александра в молодые годы была вызвана в значительной степени другими причинами: в намерении Александра освободить господских крестьян, по мнению Тучкова, «скрывалась цель большего еще утверждения деспотизма». Т. е. в крестьянстве он думал найти оплот против олигархических стремлений дворянства, но другая сторона его останавливала: это «боязнь снять узду», как говорит Завалишин. Отсюда вытекала нерешительность.

Позднее опасения перед дворянством улеглись. И для Александра в вопросе о рабстве важна лишь внешность. «Патриархальность» крепостного права всецело оправдывала существование рабства: как государь – «отец» народа, согласно идеям Священного союза, так и помещик – отец крепостной семьи. Русский крестьянин благоденствует под игом крепостного ярма. И можно ли было говорить о «варварских обычаях» в стране, руководимой просвещенным монархом! Александр поэтому вполне удовлетворился тем, что сделанный им намек «о варварском обычае» продавать людей «понят», как писал Стон Пристлею: «Объявлений о работоторговле ныне нет, ибо никто не желает быть причисленным к потомкам варваров». И Александр мог убежденно говорить в 1820 г., что продажи не существует. Александру много раз указывали на ужасное положение крестьян: «Вникните в гибельные последствия рабства владельческого и казенного, – писал ему надворный советник Извольский в 1817 г., – ваше сердце обольется кровью». Он от «искреннего сердца», как говорит Фонвизин, хотел улучшить положение. Так, по поводу положения Комитета министров 1819 г., запрещавшего принимать жалобы от крестьян помимо местного начальства, Александр писал: «Известно мне, что были случаи, где крестьяне, жалующиеся на помещиков, взамен удовлетворения, были еще наказаны». И вот предписывалось не возбранять подавать жалобы и прошения. Жалобы на первых порах посыпались как из рога изобилия: по свидетельству Михайловского-Данилевского, при путешествии Александра близ Байдар на пространстве 32 верст было подано 700 прошений. Как, однако, реагировал сам Александр на подаваемые ему прошения? Тот же современник рисует бесподобную картину: Александр гуляет, «взгляд его выражает кротость и милосердие». А между тем он только что велел «посадить под караул двух крестьян, которых единственная вина состояла в том, что они подали ему прошение»... «Чем более я рассматриваю сего необыкновенного мужа, тем более теряюсь в заключении», – добавляет рассказчик. Не то же ли было с военными поселениями, т. е. с рабством гораздо более ужасным, чем крепостное право? Мы уже приводили знаменитый ответ Александра по поводу указания на вред поселений. Он знал ужасное положение поселений, где процент смертности дошел до необычайных пределов. Бунты постоянно свидетельствовали об ужасе, к которому приводило «великодушное» побуждение облаго-

детельствовать крестьянский мир, умолявший о защите «крещеного народа» от Аракчеева. Несколько сот поселенцев в 1817 г. останавливают Николая Павловича и на коленях просят их пощадить: «Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все..., но не делай всех нас солдатами». Аналогичный случай происходит и с Марией Феодоровной. Александр все это знал. Но военные поселения – его затея, долженствовавшая обеспечить России постоянную сильную армию, а вместе с тем – авторитетное положение в Европе; при помощи этой армии, доносит французский посланник гр. Ноаль 28 сентября 1816 г. Александр «хочет продолжать играть роль защитника Европы».

Такова была оборотная сторона всех великих государственных начинаний первой четверти XIX века.

Напрасно видят какое-то исключение в деятельности Александра в Польше, видят в этой деятельности после 1812 г. отблески либерального начала царствования³³. «Александр, разочарованный в России, во вторую половину царствования жил умом и сердцем по ту сторону Вислы». Так казалось отчасти современникам, оскорблявшимся предпочтением, которое оказывал Александр Польше перед Россией. Для Александра Польша («азиатская нация Европы», по выражению Дюмуре) все-таки часть той Европы, которая всегда занимала первенствующее место в его помыслах³⁴. Положение России и Польши, конечно, было различно. Но это различие объясняется всем предшествующим положением вещей, а не высокими либеральными идеями Александра. То, что говорил про Россию Жозеф де Местр, можно по преимуществу отнести именно к Польше. Здесь Александр рассчитывал соединить неумолимый деспотизм с фиктивным конституционализмом, с тем самым, какой воздвиг Наполеон на развалинах французской республики. Александр «бонапартничал» в Польше, по выражению Вяземского, т. е. «мазал по губам». И «*carte blanche*», которую дает Александр Константину, как наместнику Польши, служит, пожалуй, лучшим подтверждением правильности этой оценки. Недаром и Новосильцева, реального проводника политики Александра в Польше, последний ценил именно потому, что нашел в нем человека, умевшего дать русскую форму его европейским стремлениям (слова Чарторижского).

В самом деле Александр заигрывал с Польшей при Чарторижском, говорил многообещающие слова, впрочем, в те редкие моменты, когда видел Чарторижского обескураженным, но, как всегда был очень уклончив в определенных обещаниях в ответ на запросы Чарторижского. В готовящейся борьбе с Наполеоном ему важно было привлечь Польшу на свою сторону. Весы Наполеон, однако, перетянул; поэтому особенной любви к полякам по природным свойствам своего характера Александр не мог чувствовать. «Государь, – заметил Михайловский-Данилевский, – с поляками обращается ласковее, нежели с русскими, что происходит не от душевного к ним расположения, а от политических видов». Во время Венского конгресса Александр «по очереди» очаровывал являвшихся к нему поляков, но никому не раскрывал своих карт. Планы Александра, которые он лелеял, по мнению Сореля, еще со времен Мемельского свидания – объединить всю Польшу под властью России или воссоединить польское королевство под скипетром Александра, – осуществились не целиком. Но тем не менее после конгресса русский самодержец надел тогу польского конституционного короля. Польская конституция 1815 г. явилась таким образом до известной степени компромиссом западноевропейской дипломатии. Если эта конституция и была «аномалией», возможной только в незрелой голове Александра, по замечанию Константина Павловича, то исключительно потому, что Александр был очень плохим конституционалистом. «Здесь вся-

³³ Так смотрит и последний биограф Александра вел. кн. Ник. Мих.

³⁴ Даже и внешние впечатления от России и Польши у Александра были различны. От Петербурга до Волыни во время своей поездки в Варшаву в 1818 г. Александр находил лишь «разорение и жалобы», а по въезде в пределы Польши «все облекалось в радостный вид». Если в Москве ему представилось 42 дворянина, в Житомире он видел 200. Это, по свидетельству Михайловского-Данилевского, тешило самодержца.

кий день наносят важные оскорбления конституции...», – писал Вяземский в 1819 г. Кровь «вчуже так и клокочет». Сперва антиконституционные меры в Польше объяснялись тем, что необходимо, чтобы поляки «забыли революционный дух, которого они набрались» (донесение Вилльмодена, 1816 г.); затем явилось опасение в силу «революционного движения во Франции» (Лебцельтерн, 1819 г.). Но как бы то ни было, малейшая оппозиция раздражала конституционного монарха;³⁵ раздражала совершенно так же, как раздражало и противодействие в России. «Конституционные сени в деспотических казармах, – чрезвычайно метко заметил кн. Вяземский в 1819 г., – уродство в искусстве зодческом, и поляки это очень чувствуют». Вяземский предсказывал, что «самовластный император задушит царя конституционного». В переписке с А. Тургеневым из Варшавы Вяземский в 1819 г. систематически возвращается к полякам: «У нас в нашем либеральном царстве Бог знает что делается», или: «Эти правители такие олухи, что я им не дал бы конюшню управлять. Они не только людей, да и лошадей взбесить бы в состоянии»... «Вечно сидеть на иглах невозможно», – добавляет пророчески Вяземский.

У Польши получалась только «иллюзия независимости» (Лаферонэ, 1820 г.), иллюзия, которая сохранялась только во имя западноевропейского мнения. Сторонникам польской конституции, как напр., Капо д'Истри, приходилось играть на самолюбии Александра и указывать в противовес Новосильцеву, что уничтожение польской конституции плохо отзовется в общественном мнении Западной Европы: «Что же мы скажем в Троппау? Как провозглашать либеральные идеи после такого скандала»³⁶.

Вяземский верно заметил: «Ни быть им (полякам) свободными, пока мы будем в цепях». Но для России Александр никогда и не думал отказываться от своего самовластия. И как характерно, что Александр, получив две записки Бентама (1814–1815 гг.), в первой из которых говорилось о Польше, а во второй о пересмотре русского законодательства, любезно ответил на первую и решительно промолчал на вторую. Понятно, почему Александр, по словам Штейнгеля, негодовал на министра внутренних дел Козодавлева, разрешившего напечатать в «Северной Почте» речь императора при открытии польского сейма: «Все хотят вмешиваться в политические дела», – заметил Александр. Министр не угодил политике императора. «Варшавские речи», по свидетельству Карамзина, «сильно отозвались в молодых сердцах; спят и видят конституцию». Такой отзвук в России был вовсе не в видах Александра, ибо он склонен был играть в конституцию в Польше только до тех пор, пока игра не затрагивала его самодержавных прав в России.

Постепенно практика Священного союза в связи с ростом революционного настроения в обществе стала изгонять либеральные идеи и из европейской политики Александра. После Семеновской истории – свидетельствует один из самых тонких наблюдателей той эпохи декабрист Якушкин – Александр совершенно поступил под влияние Меттерниха... Тут прекратилось в нем раздвоение: и в Европе, и в России политические его воззрения были одни и те же.

После всего сказанного едва ли должно оставаться сомнение в том, что не одурманивание русского императора тонким австрийским дипломатом гр. Меттернихом играло роль в определении реакционной линии поведения Александра I. В дипломатической ловкости последний еще мог поспорить с руководителем австрийской политики. На Венском конгрессе противник Меттерниха многим казался только «простой куклой в руках французского сената» («la poupée de sénat» – герцог Веймарский), или, другими словами, в руках Шатобриана. В действительности было по-иному. Резкая вражда Александра к Меттерниху во время конгресса, доходившая до того, что Александр, любивший всякого рода позы, послал даже

³⁵ См.: Семевский «Политические и социальные идеи декабристов.

³⁶ Новосильцев советовал Александру в ответ на протесты первого польского сейма уничтожить конституцию.

вызов на дуэль австрийскому министру, объясняется как раз той настойчивой линией, которую гнул Александр. Третий искуснейший дипломат Венского конгресса – Талейран, обошедший в своей закулисной игре и Александра и Меттерниха, сумел объединить в противодействии России Австрию, Францию и Англию³⁷. Международное положение стало вновь крайне острым. И трудно сказать, как бы оно разрешилось при упрямстве Александра, при его высокой оценке своей европейской роли, если бы запутанное положение не распутал Наполеон, покинув Эльбу. В предвидении возможного будущего дипломатические враги вновь объединились. Сговор совершился. Если с годами враждебность к Меттерниху сменялась дружелюбием, то это надо объяснить не тем, что Александр подпал под влияние Меттерниха. Их цели и задачи теперь совпадали, хотя «наиболее скептический человек в Европе», как называл себя Меттерних в письмах к Лебцельтерну, никогда не мог, в сущности, понять библиомании русского императора. Но раз все пути шли в Рим, между ними должно было установиться полное согласие. Если еще в 1819 г. Александр, весьма, в сущности, склонный подавить опасные революционные тенденции в Германии (Лебцельтерн), внешне противился и говорил либеральные фразы, то очень скоро, именно после Семеновской истории, которую он рассматривал, как начало революционного проявления в России, он займет совершенно иную позицию на конгрессе в Троппау. Отсюда Александр пишет Аракчееву: «Никто на свете меня не убедит, что сие происшествие было вымышлено солдатами. Тут внушение чужое, но не военное... Признаюсь, что я его приписываю тайным обществам...» Да, «сия их работа есть пробная», – вторит в ответ Аракчеев. С этой поры Александр уже идет впереди Меттерниха по стезе реакции. Меттерниху приходится подумывать о том, чтобы воспрепятствовать Священному союзу «перейти за границы справедливости и блага, ибо зло начинается там, где кончается благо». «Если когда-нибудь кто делался из черного белым», так это именно Александр. «Да, – писал Меттерних Лебцельтерну после смерти Александра, – если бы бедный Александр не наделал грехов в своей юности; если бы в зрелом возрасте ему “не хватало чего-то”, как говорил Наполеон, где был бы теперешний либерализм!...» Конечно, нельзя отрицать к этому времени определенной пресыщенности жизнью у Александра. Можно поверить, что он устал, как то не раз говорил он Лебцельтерну: напр., 7 Ав. 1816 – «я ненавижу войну, видел ее слишком много». В жизни Александру действительно пришлось испытать достаточно.

Утомленный славой, он готов был передать руководство европейской политикой Меттерниху. Слава Меттерниха не могла быть к тому же конкуренцией для Александра. Скорее Меттерних в Европе охранял популярность Александра, как это делал Аракчеев в России. Да и русские дела заставляли Александра быть более пристальным в своей внутренней политике. Не для того, чтобы устранить возрастающее неудовольствие (как свидетельствовал еще в 1815 г. А. Тургенев в письме к Вяземскому), тем, что он пренебрегает государством, интересуясь Зап. Европой³⁸; не для того, чтобы заняться внутренними преобразованиями, как он говорил Державину, жалуясь на отсутствие людей: «Мне Бог помог устроить внешние дела России, теперь примусь за внутренние»³⁹. Нет. Надо было подтянуть возжи у себя. И если здесь иногда казалось, что Александр стушевывается перед аракеевщиной или бездействует в борьбе с революцией, то это проистекало не от того, что Александра мучила мысль, что ему придется наказывать людей, стремления которых он разделял в молодости (так будто бы утверждала императрица Елизавета Алексеевна в разговоре с кн. С.Г. Волкон-

³⁷ Любопытен отзыв об Александре Талейрана: для него Александр простак (niais) – «гибкость ума не соответствует благородству характера».

³⁸ Путешествия Александра на конгрессы возбуждают насмешки в гвардии – доносил Буальконт.

³⁹ То же самое он не раз говорил и Лебцельтерну: «Я должен теперь заняться интересами подданных».

ским). Здесь просто была попытка играть двойную роль, объясняемую тем личным страхом, который испытывал Александр перед революцией в России⁴⁰.

Характер и деятельность Александра I, таким образом, вовсе не представляет из себя какой-то исторической загадки. Таких людей, как Александр, история знает много. Не таков ли и современник Александра Каразин, который также долгое время был среди непонятных и загадочных личностей. Энтузиаст, либерал, крепостник и реакционер, Каразин вызывал много споров. Но Войеков уж дал ему в «Доме сумасшедших» эпитет «Хамелеона». Злая сатира Войекова не принадлежит к числу объективных исторических источников, и однако теперь уже, пожалуй, мало найдется таких исследователей, которые не вынуждены будут согласиться с наблюдательным современником. Факты уничтожили романтический облик русского «маркиза Позы». Факты снимают ореол загадочности и драматичности и с императора Александра I. Он был простой игрок в жизни. Но играть в жизни, быть может, труднее, чем на сцене. Отсюда все те противоречия, вся та непоследовательность, которые можно отметить в отдельные моменты деятельности Александра. Натура должна была проявляться в отдельных случаях, несмотря на умение маскироваться. «У него постоянно чего-то недостает», – заметил Наполеон Меттерниху про Александра. Недоставало элементарной прямоты и искренности. Современники в конце концов поняли прекрасно эту загадочную личность.

Английские и американские друзья Александра, обольщенные отзывами Лагарпа и письмами Александра, признавали в 1802 г. «появление такого человека на троне» феноменальным явлением, которое создаст целую «эпоху». «Однако, – должен был отметить Джефферсон в письме к Пристлею 29 ноября 1802 г., – Александр имеет перед собою геркулесовскую задачу – обеспечить свободу тем, которые неспособны сами позаботиться о себе». Но первые годы уже несли с собой противоречие. И эти друзья должны утешаться тем, что для Александра было нецелесообразным возбуждать опасения среди привилегированных сословий, пытаясь создать сейчас что-либо вроде представительного правления; быть может, даже нецелесообразным было бы обнаружить желание полного освобождения крестьян. Проходят годы, и прежняя «нецелесообразность» остается все в том же положении... Через шестнадцать лет (12 декабря 1818 г.) Джефферсон должен уже выразить сомнение: «Я опасаюсь, что наш прежний любимец Александр уклонился от истинной веры. Его участие в мнимо-священном союзе, антинациональные принципы, высказанные им отдельно, его положение во главе союза, стремящегося приковать человечество на вечные времена к угнетениям, свойственным самым варварским эпохам, – все это кладет тень на его характер». Эта «тьень» все отчетливее выступает в сознании современников. Недаром агенты Меттерниха, подслушивавшие и доносившие своему шефу все общественные пересуды во время Венского конгресса, единогласно свидетельствуют о перемене во взгляде на русского императора. Александр с каждым днем теряет в общественном мнении. Талант императора «на любезные слова», отмечаемый Вельмодемом, уже не привлекает⁴¹, его «фразы» не захватывают слушателей. Недавнего кумира «не только не любят, но презируют и ненавидят». Политические рапорты, изображающие закулисные мнения политических кругов на Венском конгрессе, дают, таким образом, несколько иную характеристику роли Александра в Европе, чем письма и воспоминания многих из русских современников. Напр. гр. Д. Х. Ливен, возлюбленная Меттерниха и в то же время большая поклонница Александра, так характеризует в письме к брату своему, будущему николаевскому шефу жандармов, положение Александра на конгрессе: «Европа счастлива тем, что ее судьба находится в руках Александра. Император великолепен – я могу засвидетельствовать, что все восхищены им. Его слава вполне

⁴⁰ См. ниже «Правительство и Общество после войны».

⁴¹ Популярна песенка: «Le roi de Danem: trinkt für alle, L' empereur de Russie: liebt für alle.

упрочена». Каково было это восхищение в действительности, показывают отзывы политических агентов.

Александр «фальшив» – утверждает по рапортам общественное мнение; у него нет «морали в практических вопросах». Он «лишен нравственных основ, хотя говорит о религии, как святой, и соблюдает всю обрядовую внешность». Для него все, кончая филантропией, вытекает из неограниченного честолюбия. Ему кажется, что «весь мир создан только для него». Он «пустозвон» (Schall und Rauch), как характеризует Александра гр. де Линь. Александр «постепенно сбрасывает маску» – таково заключение, которое можно вынести из общественного говора⁴². Многие из тех, кто относился с большим преклонением к Александру, начинают изменять свою точку зрения: Александр «фальшив и коварен». Гарденберг жалуется в письме к Гнейзенау на «властолюбие и коварство под личиной человеколюбия и благородных, либеральных намерений». На устах Александр носит «любовь и человечество, а в сердце ложь», – говорит архиепископ Игнатий. Еще более резок отзыв английского посла: «честолюбивый, злословящий дурак».

Как очевидно, освободитель Европы очень скоро потерял свою мировую популярность. До некоторой степени прав упомянутый историк Венского конгресса, заключающий, что «воображаемое всемогущество» в Европе Александра выражается «во всевозможных обещаниях и словах, даваемых направо и налево». И когда эти обещания не выполняются, Александр по глубоко вкоренившейся в нем подозрительности приписывает все личным интригам.

Всемирная слава должна была разочаровать Александра, ведь, в сущности, он и здесь не преуспел.

Тайная венская полиция предсказывает и последующую судьбу прежнего любимца, баловня Европы: «Он кончит, как отец», – это мнение лиц, хорошо изучивших русского императора. То, что становится известным о нем в Европе, знают гораздо лучше в России.

Конечно, для русских современников «тень» характера Александра вырисовывалась еще рельефнее. Пушкин вспоминает впоследствии (1836 г.), как «прекрасен» был Александр, когда «из пленного Парижа к нам примчался»: «народов друг, спаситель их свободы».

«Вселенная, пади пред ним: он твой спаситель! Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь!» – так передал свое впечатление о московском пребывании Александра в 1814 г. кн. П.А. Вяземский.

Но куда же исчез энтузиазм через несколько лет? «Варшавские речи» (1818), по свидетельству Карамзина, «сильно отзывались в молодых сердцах: спят и видят конституцию»; не у всех, однако, нашли они такой отзвук. Уже немногие, пожалуй, как декабрист М.А. Фонвизин, продолжали верить в «искренность свободолюбивых намерений и желаний» императора Александра. Становилось ясно, что Александр, в Европе «покровитель и почти корифей либералов, в России был не только жестоким, но что хуже этого, бессмысленным деспотом» (Якушкин).

«Пора уснуть бы, наконец, послушавши, как царь-отец рассказывает сказки» – вот вывод, сделанный Пушкиным в его «сказках». «Владыка слабый и лукавый... плешивый щеголь, враг труда. Нечаянно пригретый славой» – вот другой отзыв Пушкина в известном зашифрованном стихотворении. «Тот, которым восхищалась Европа и который был для Рос-

⁴² Эти отрицательные отзывы политиков Венского конгресса, конечно, объясняются тем, что освободитель Европы не так уже оказался податлив меттерниховской интриге. Его собственная политика в данном случае столкнулась с интересами других. До Венского конгресса Александр был для Европы как бы в перспективе. Он был нужен – и нет недостатка в дифирамбах. С падением Наполеона он уже становится опасным. Страсти разыгрались именно на польском вопросе. И в закулисных беседах определенно говорилось, что, если Россия получит Польшу, Александр «будет опаснее Наполеона». И как прежде не хватало дифирамбистов, так теперь пытаются отметить отрицательные стороны. Но, отмечая их, как видим, попадают не в бровь, а в глаз.

сии некогда надеждою – как он переменялся», – пишет Сергей Тургенев 26 июня 1819 г. «Не было очевиднее факта, до какой степени государь потерял в последнее время уважение и расположение народа» (Завалишин). «Сомнение, что он ищет больше своей личной славы, нежели блага подданных, уже вкралось в сердца членов общества», – добавляет другой декабрист – Трубецкой – в 1818 г.

Декабристы ярче других оттенили изменение взглядов на Александра. «Император Александр много нанес нам бедствия, и он, собственно, причина восстания 14 декабря», – заявлял Каховский в письме к Николаю...

И даже старый воспитатель Александра, Лагарп, учивший своего воспитанника мудрости править, и тот должен был не без разочарования признаться в 1824 г.: «Я обольщался надеждой, что воспитал Марка Аврелия для пятидесятимиллионного населения... я имел, правда, ... минутную радость высокого достоинства, но она исчезла безвозвратно, и бездонная пропасть поглотила плоды моих трудов со всеми моими надеждами».

В этом Лагарп был сам виноват, но за «минутную радость» вознесет ли потомство Александра на высокий пьедестал?

Может быть, в истории действительно есть закон, о котором говорил ген. Ермолов: кто раз прикоснется устами к чаше власти, тот не оторвется уже от нее, если не отнимут у него ее насильно. Может быть, в исторической перспективе многое должно быть объяснено влиянием того рока, которого не мог избежать Александр. Но от такого объяснения все же мало выиграет сама личность императора, вошедшего в историю с титулом «Благословенного».

Александр останется, конечно, в Истории фигурой поистине примечательной, ибо такого артиста в жизни редко рождает мир не только среди венценосцев, но и простых смертных.

Мелочи об Александре

1. Александр I и женщины ⁴³

I

Император Александр, как никто другой, умел обольщать людей. Особенно его талант прельстительства сказывался в женском обществе. Тут Александр был в своей сфере. Ему нравилось вращаться в атмосфере кокетства, полунамеков и полуслов; в той среде, где изощрялся его актерский талант, где неизбежно царила неискренность и полурисовка, к которым так подходила присущая ему любовь к позам.

Женщины действительно были без ума от привлекательного монарха, – об этом говорят нам почти все современники. Он умел заставить себя обожать не только стареющих светских дам вроде баронессы Крюденер, впадавших в мистический транс и игравших самой грубой лестью на самолюбии Александра. Австрийский посланник в Варшаве в 1816 г. специально отметил в своем донесении исключительное умение русского царя привлекать дамские сердца. Венценосный рыцарь вовремя скажет любезную фразу: «J'obeis volontiers et surtout aux dames»; публично станет на колени на балу у Коленкура перед М.О. Осиповой с восклицанием «hommage à la plus belle des belles»; самолично будет перевязывать обожженные «нежные» пальчики г-жи С. и т. д. и т. д.

Это делает Александра столь неотразимым в дамском обществе, что одна из современниц считает необходимым отметить удивительный факт, что ее кузина осталась равнодушной «даже к человеку, которому не пыталась противиться ни одна женщина, кроме нее». Правда, это была «девственница» в замужестве⁴⁴. Но подобные типы, пожалуй, и наиболее подходящи были к личности Александра. Арндт, рассказывая в своих воспоминаниях, как Александр в России, в Германии и Франции усердно ухаживал за всякой смазливой дамочкой в салонах, добавляет: «Придворные врачи говорили по этому поводу, что все это – одна видимость, совершенно безопасная, что мужья без тревоги позволяют ему увиваться вокруг своих жен». Характерно для Александра то, что его обуревала жажда преклонения женщин, – ему нужен был хоть внешний успех на всех поприщах. Для «Северного Тальмы» движущим поводом был не темперамент, а опять-таки довольно мелкое тщеславие.

«Редко, чтобы женской добродетели действительно угрожала опасность», – добавляет друг юности Александра Чарторижский при рассказе об ухаживании Александра за наиболее «эффектными дамами» в эпоху еще Павла⁴⁵.

«Государь любил общество женщин, – свидетельствует одна из поклонниц Александра, гр. Эделинг, рожденная Стурдза, бывшая близкой фрейлиной его жены, – вообще он занимался ими и выражал им рыцарское почтение, исполненное изящества и милости. Что бы ни толковали в испорченном свете об этом его расположении, но оно было чисто и не изменилось в нем и тогда, когда с годами, размышлением и благочестием ослабли в нем страсти.» Графиня Эделинг права относительно того, что отношение к женщинам у Алек-

⁴³ Напечатано в сокращенном виде в берлинских «Днях» (1923 г.).

⁴⁴ «Голос Минувшего», 1914, XI, 115.

⁴⁵ Говорят еще о связи Александра с неизвестной фрейлиной княжной Туркестановой, умершей после родов в 1819 г. Утверждали, что кн. В. Голицын взял как бы на себя вину и воспитал дочь Туркестановой от Александра. Прямых свидетельств этому нет и факт представляется сомнительным.

сандра не изменилось с годами и что благочестие отнюдь не препятствовало веселому времяпрепровождению, но что касается до «рыцарского почтения», то приходится сказать, что более правильно было бы определить женолюбие Александра термином «ферлакурства», подчас принимавшего довольно грубые формы.

«Всеми известны, — писал в 1802 г. баварец Ольри, — посторонние привязанности императора». Общество определенно говорит о связях с артисткой Филисс, Шевалье, Жорж. По пути в Мемель отмечается «дорожный роман с двумя рижскими дамами». В Тильзите, — свидетельствует прусский король, — «мелочи из военного быта французской армии интересуют его (Александра) очень сильно, но не меньше и хорошенькие тильзитские девицы». В Петербурге царь ездит пить чай к немецким купчихам Бахара и Кремер — «порядочным дурам», по выражению Греча. Говорят о некоей госпоже Шварц, жене коммерческого дельца. То же волокитство отмечает в своих воспоминаниях В.И. Бакунина — в Вильне в июне 1812 г., и т. д. И все это в разгар любви к прекрасной Марии Антоновне Нарышкиной, урожденной княжне Четвертинской.

На Венском конгрессе в этом цветнике европейских красавиц, собранных из великосветского и артистического мира для оболыщения съехавшихся монархов и их министров, натура Александра проявилась во всем своем объеме. Агенты тайной великосветской полиции Меттерниха систематически доносили, что «русский император проводит время в дамских будуарах». Причем «се grand charmeur» имеет дело только с красавицами. Его тщеславию льстит та предупредительность, с которой относятся к нему дамы высшего света. Идет какой-то сплошной флирт с кн. Эстергази, гр. Зичи, кн. Ауэршперг, принцессой Лихтенштейн, гр. Чешени и др., сообщениями о котором пестрят полицейские донесения. Наряду с этим де ля Гард рассказывает о «романе» с артисткой Л.

На первый взгляд, все интересы императора на конгрессе исчерпываются этим «платоническим кокетством» и увлечением танцами, которым Александр предается с какой-то непонятной страстностью. «Конгресс не ходит, а танцует», — сказал принц де Линь, и эта «dansemanie» преимущественно захватывает Александра и соперничает с его «paradomanie».

Александр не любит мужского общества, — отмечают агентские донесения. Как и у себя на родине, он избегал «бесед с людьми умными» (Греч). Среди представительниц прекрасного пола его таланты расцветают и лучше оцениваются, напр., дамы любят аккомпанировать русскому императору, обнаружившему «особенный талант свистеть». Как плоско, однако, было ухаживанье Александра, показывает следующий, подслушанный великосветским агентом на балу у Пальди, диалог между русским императором и гр. Гюльфорд: «Ваш муж в отсутствии, было бы весьма приятно временно занять его место». — «Разве Ваше Величество принимает меня за провинциалку?» — отвечает дама.

Как это действительно, однако, далеко от истинного рыцарского отношения к женщине.

Также далек был от рыцарского отношения и платонический роман Александра с прусской королевой Луизой. Великий кн. Николай Михайлович необычайно заблуждался, приписывая видимое пристрастие Александра к Пруссии каким-то рыцарским отношениям к Луизе. Если у русского императора и было какое-нибудь пристрастие к Пруссии, то большую роль играло немецкое происхождение царствовавшей династии, как отмечал Жозеф де Местр. В действительности, роль Александра в делах Пруссии и отношения его к несчастной прусской королеве исключительно объясняется той дипломатией, которую вел Северный Тальма. Как показывает отчетливо в этюде, посвященном королеве Луизе и Александру А. К. Дживелегов⁴⁶, Александр, стараясь покорить Луизу, думал не о флирте, а о том, «чтобы сделать самого влиятельного человека у прусского трона слепопреданным себе». К несча-

⁴⁶ В книге «Наполеон и Александр».

стью для Луизы, как для женщины, так и для политического деятеля, она искренно увлеклась красивым, молодым и обольстительным монархом, представляющим столь разительный контраст с ее мужем, «личностью глупейшей и незначащей», по выражению дневника Вилламова, ст. секретаря императрицы Марии Феодоровны. В результате Луиза предлагает Александру «любовь», а последний вел только холодный, расчетливый «политический флирт». «Платоническое кокетничество» с Луизой со стороны Александра привело к тому, что, будучи в Потсдаме в 1805 г., Александр должен был, подобно омским девицам того времени, запира́ть на два замка свою опочивальню, чтобы его не застали врасплох. Об этом он рассказывал сам Чарторижскому. И действительно, как видно из личной переписки с ним Луизы, последняя готова была совершить неосторожный поступок, к которому Александр, очевидно, не был склонен, ибо для него игра с Луизой сводилась прежде всего к игре политической. Всякая связь могла быть только помехой дипломатии. Луиза поняла это только через несколько лет, когда перед ней до некоторой степени вскрылся истинный характер ее «друга».

Очарование прусской королевы было общеизвестно. Если Наполеон после свидания с ней в Тильзите писал Жозефине: «Я – как клеенка, по которой все это только скользит», то почти так же мог бы сказать и Александр. Разница была лишь та, что Наполеон не надевал рыцарских лат, в которых являлся Александр перед Луизой.

В эпизоде с Луизой довольно ярко проявлялась дипломатическая тактика Александра, склонного всегда пользоваться женским сердцем в целях оказания влияния на политику. Эта тактика достигла своего апогея на Венском конгрессе, где Александр далеко не был в ней одинок. Именно в дамских салонах во время конгресса плетется закулисная политическая интрига. Ими одинаково пользуется как и Александр, так и Меттерних, его соперник в дипломатии и определенный враг во время конгресса⁴⁷. Через женщин действует третий знаменитый дипломат – Талейран, обошедший своей изворотливой хитростью и Александра и Меттерниха. Два салона царствуют в Вене, Багратион и Саган – двух соперниц, бывшей и настоящей любовницы австрийского министра. И к обеим подходит Александр в видах достижения своих политических целей и осведомления о планах противника. Но применяет разные методы. С княгиней Багратион ведется игра в любовь. Агенты полиции свидетельствуют о «многих чарующих часах», которые проводит русский император глаз на глаз с Багратион во время посещений «далеко за полночь». Но те же наблюдатели утверждают, что в данном случае «любовь к политической интриге» взяла верх над более нежными чувствами.

Что же касается Саган, то тут метод воздействия иной. Требование разрыва с Меттернихом подтверждалось давлением на связанные с Россией имущественные интересы герцогини. По-видимому, Александр достиг своих целей в обоих случаях, так как обеим авантюристам впоследствии выплачивалась пенсия за какие-то особые заслуги. Эта своеобразная дипломатическая политика, через женщин, равным образом далека от того рыцарства, о котором говорит в своих записках Эделинг.

II

Александровская историография, в стремлении обрисовать хотя бы юношеский идеализм своего героя, склонна и по сие время рисовать в привлекательных красках его семейные добродетели. В действительности же Александр был крайне плохим мужем, непостоянным в своих отношениях к жене с молодых лет. Верно охарактеризовал еще Герцен: Александр любил всех женщин, кроме своей жены.

⁴⁷ Припомним характеристику Меттерниха, данную Шатобрианом, – очень близкую к характеристике Александра: «Это человек посредственный, без основ, без взглядов..., фальшивый..., ловелас в молодости, старается прельстить все, к чему он приближается, а когда это ему не удастся, делается врагом».

Биограф Александра и Елисаветы Алексеевны покойный в. кн. Николай Михайлович считал, что до 1804 г. между супругами существовали нежные отношения вплоть до увлечения Александра Нарышкиной. Считал это он явно вопреки всем показаниям современников. Напомним хотя бы слова баварца Ольри, донесения которого были опубликованы именно Николаем Михайловичем: «всем известны посторонние привязанности императора». Настойчивость в данном случае историка, принадлежащего к царствовавшей семье, чрезвычайно характерна для некоторых свойств его работы, – в них постоянно мы видим некоторую коллизию между стремлением к исторической объективности и влиянием семейных традиций. Тенденция эта ярко сказалась и в самой последней работе, посвященной Александру, где в сущности дается довольно резкая характеристика «благословенного монарха».

Не подлежит сомнению, что охлаждение к Елисавете у Александра произошло еще при жизни Екатерины, чем и объясняется связь Елисаветы с кн. Чарторижским, связь, которую очень решительно, и притом с большой запальчивостью, пытался опровергнуть в. кн. Николай Михайлович в полемике с профессором Ашкенази⁴⁸. Александр любезничал со всеми женщинами, но сердце его любило одну женщину и любило постоянно до тех пор, пока она сама порвала связь, которую никогда не умела ценить, – говорит гр. Эделинг. Александр охладил к супруге по «холодности ее темперамента», – свидетельствует царский друг кн. А.Н. Голицын. «Овладеть этой женщиной легче умом, чем сердцем», – замечает француз Савари.

⁴⁸ См. статью Ашкенази в «Гол. Минувшего» (1916, № II) «Императрица Елисавета и кн. Адам Чарторижский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.